

Министерство образования Сахалинской области
Институт развития образования Сахалинской области
Научно-исследовательская лаборатория
проблем интегрированной профессионализации учителя
в условиях внедрения Федерального
государственного образовательного стандарта

О. А. Щербакова

**ФОРМИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ
В ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ**

Учебно-методическое пособие

Издательство ИРОСО
Южно-Сахалинск
2011

ББК 74.200.50 я7
Щ 61

Рецензент:
д.п.н., профессор
Н. П. Юдина

Ответственный за выпуск
Н. Б. Бурькина

Щербакова О. А.
Формирование культурной толерантности школьников
в пространстве образовательного учреждения:
Учебно-методическое пособие / О. А. Щербакова. —
Южно-Сахалинск: Изд-во ИРОСО, 2011. — 58 с.

Учебно-методическое пособие раскрывает сущность культурной толерантности, философские и иные основания ее формирования у учащихся. Пособие предлагает принципы и методы работы учителя с текстом в рамках технологии интерпретационной деятельности. Данное пособие предназначено для преподавателей общеобразовательных учреждений.

ISBN 978-5-905078-34-7

© О.А. Щербакова, 2011
© Издательство ИРОСО, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Методологические ориентиры воспитания толерантной личности.....	8
Глава 2. Толерантность в религиозно-философской традиции	13
Глава 3. Толерантность в русской религиозно-философской традиции.....	19
Глава 4. Лингвокультурологические проблемы толерантности	28
Глава 5. Интерпретационная деятельность как средство формирования культурной толерантности школьников-дальневосточников.....	37
Диагностический инструментарий.....	45
«Индекс толерантности» по методике Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой	45
Эмпатические тенденции (А. Мехрабиан, Н. Эпштейн).....	46
Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич)	48
Интерпретация текста культуры	49

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость введения в воспитательную систему школы вопросов толерантности и воспитание толерантных отношений вызвана рядом причин. Россия переживает период, который характеризуется снижением терпимости по многим параметрам социальных отношений: трансформация российского общества, переход к новым социальным, экономическим, культурным отношениям и интеграция России в мировое сообщество, которая сопровождается деструктивными явлениями. Переходы проявляются по-разному, их можно дифференцировать по резкости, интенсивности, темпам историко-культурных изменений:

- 1) в виде перелома, как резкое, внезапное изменение (в период Первой мировой войны — Турция, Австро-Венгрия, Россия; в 1991 году СССР прекратил свое существование как империя), даже если это изменение долго вызревало в той или иной культуре, происходит по типу революции;
- 2) в качестве перехода — постепенное, незаметное накопление нового и отмирание старого, как эволюция.

Трансформация любого общества, в том числе российского, проявляется в следующих признаках:

- происходит распад универсальной картины мира, свойственной эпохе, которая находится на излете, изживает себя;
- усиливается мифологизация сознания, появляются эсхатологические и хилиатические настроения и переживания;
- проявляется маргинализация общества и происходит институализация маргинальной картины мира;
- происходит «бегство человека от себя», отказ от главного назначения — быть личностью;
- наблюдается кризис коллективной идентичности;
- происходит встреча двух культур и возникает их диалог: одна изживает себя, вторая нарождается, и поэтому она еще не оформилась полностью;
- возникает чрезвычайное разнообразие художественных тенденций, философских концепций, расширение мира культуры;
- рождается новый стиль, что всегда связывается со становлением этого нового, поисками, примитивностью и наивностью искомого, обращением к прошлому, отказом от того, что открыто современной эпохой, отрицанием традиции;
- все процессы происходят в системе всех сторон общества (системность);
- действует закон диалектики отрицания: «Когда возникает нечто новое, оно отрицает то, из чего оно возникло» (Ф. Т. Михайлов).

Переходная эпоха связана со сменой содержания той картины мира, которая присутствовала в обществе на протяжении многих лет, происходит смена ценностных установок общества. Новые ценностные установки осознаются медленно, на протяжении поколений. Переходность может быть по времени настолько продолжительной, что способна сама стать эпохой. Смена эпох проходит болезненно для всех членов общества. Поэтому всегда будет возникать желание повлиять на ситуацию: остановить или затянуть процесс смены эпох, умирание старого, рождение нового (особенно наглядно это проявляется в России в современной, переходной эпохе).

В этой связи возникает потребность в рассмотрении культурных и социальных предпосылок толерантности в современном российском обществе, а также тенденций ее динамики. Заметим, что особенность расколотого состояния современного российского общества, по мнению центра Ю. Левады, состоит в «отсутствии общезначимых критериев оценки человеческих действий». Это выражается, в частности, в трудносовместимых представлениях, взглядах, позициях по вопросу выхода из социально-экономического кризиса. Антиномичность национальной культуры выражается в сложном структурном и диахронном характере, соединении Запада и Востока, в многонациональном и многоконфессиональном характере населения. К проблемам культурным добавляются экономические и социальные, из которых особенно тяжело переживаем российским народом раскол общества на богатых и бедных.

Ряд авторов (А. С. Ахиезер, А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко и др.) обращают внимание на манихейскую доминанту российской ментальности, усиливающую социальный раскол. Чтобы понять, в чем ее сущность, вспомним персидского пророка Мани (III в.), учившего, что плоть создана из тьмы и зла, что она обречена на гибель. В христианстве манихейство проявилось как различные толкования телесности: в соответствии с первым человек — единство души и тела, созданное Богом, с другим — плоть греховна и чужда душе. Манихейству как свойству ментальности светского общества присуще рассмотрение социальной реальности как вечной, непримиримой, бескомпромиссной борьбы субъектов. Значение манихейства для судьбы российского общества заключается в том, что оно несет в себе относительно простую программу массовых действий, мотивированных яростным стремлением истребить мировое зло (А. Ахиезер). Привлекательность манихейской методологии состоит в ее способности быстро и доходчиво конкретизировать субъекта социального зла. Еще одна особенность российского общества — в подверженности манихейской мифологии не только социальных низов, но также интеллигенции и элиты. Питательной почвой для развития этой мифологии является высококонфликтное общество. Так, в структуре умышленных убийств значительное место занимают бытовые. По данным Д. А. Шестакова, до 40 % умышленных убийств происходит внутри семьи.

Все современные нации в культурном, религиозном и политическом отношении более плюралистичны, чем традиционные сообщества, которые сохраняли свое единство за счет фундаментальных традиций в культуре или религии. Культурный и религиозный плюрализм, развившийся в западном мире, особенно среди англосаксов, вызвал к жизни толерантность, необходимую для установления общности в условиях плюрализма. Толерантность была, с одной стороны, необходимым побочным продуктом этого плюрализма, а с другой — условием его дальнейшего развития.

Решающей главой в истории толерантности явился кромвелевский период английской истории XVII в. В то время среди различных пуританских сект, входивших в армию Кромвеля, только индепенденты и левеллеры были заинтересованы в свободе и терпимости. Согласно их взглядам, ни одно убеждение не может быть настолько непогрешимым, чтобы ему в жертву можно было принести другие убеждения, существующие в сообществе. Джон Солтмарш, один из видных

защитников толерантности в эпоху Кромвеля, говорил: «Твои доводы будут столь же темны для меня, как мои доводы для тебя, пока Господь не откроет нам глаза».

В целом толерантность была установлена как в Англии, так и в Америке не столько в качестве идеального принципа, сколько по необходимости — когда было разрушено монолитное единство общества. Оказалось, что в обществе будет больше мира, если не пытаться навязывать ему сверху религиозное единство.

Примечательно, что проблема толерантности впервые возникла в западной цивилизации именно на религиозном уровне, а религиозная толерантность положила начало всем другим свободам, которые были достигнуты в свободном обществе. Иногда полагают, что нет ничего труднее, чем быть терпимым в отношении людей, придерживающихся иных религиозных убеждений. Это суждение зиждется на допущении, что религия в основе своей фанатична, и это отчасти верно в том смысле, что религия означает всецелую самоотдачу личности. В идеале вера должна порождать милосердие, а не фанатизм, поскольку она приводит к сопоставлению фрагментарных и ограниченных ценностей с абсолютным и божественным. Однако на деле религиозный человек может легко впасть в соблазн освящения своих ограниченных ценностей светом того абсолюта, которому он предан, и при этом еще призвать в союзники Бога. Так что религия иногда может содействовать углублению и ужесточению фанатизма, каким бы он ни был — культурным, государственным или этническим.

Эпоха Просвещения XVIII века, которую часто наделяют духом толерантности, породила очень опасный якобинский фанатизм рационалистического типа. Единственным видным представителем толерантности в ту эпоху был Вольтер. Ему приписывают изречение: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но пожертвую своей жизнью, защищая ваше право высказывать собственное мнение» — афоризм, в котором выражена классическая теория толерантности. Взгляды Вольтера сложились, когда он наблюдал за событиями в Англии, где в XVII веке в условиях религиозного плюрализма и религиозной толерантности был достигнут гражданский мир и установилась общая атмосфера милосердия.

В истории России разрушение диалогического механизма в обществе случилось впервые во второй половине XVI века с помощью опричнины, уничтожившей одну из сторон конфликта, а следовательно, его возможность («нет человека — нет проблемы»). Кроме того, на этом переломном рубеже отечественной истории произошло закрепление той модели взаимоотношений государства и общества, которая стала в дальнейшем ведущей. Суть этой модели состояла в том, что государство стало вторгаться в повседневную жизнь каждой личности. Возникновение тоталитарной модели стало возможным потому, что массовое сознание признавало за властями право вмешиваться во все детали частной жизни. Не только свой дом россияне не считали своей крепостью, но и бороды не воспринимали как личное достояние. Не потому, что им было чуждо чувство собственного достоинства. Просто порог чувствительности в российской культурной традиции был, по сравнению с другими странами, заметно сдвинут в сторону расширения полномочий государства (А. Янов). В. Шкуратов с позиций психологии делает вывод, что тоталитаризм не просто централизует власть и сводит ее в репрессивно-идеологический кулак, а последовательно ломает и подчиняет себе микросоциальную среду личности. Ничто не должно заслонять

человека от власти: коллеги, знакомые, родственники должны стать пропагандистами или соглядатаями режима. Человек в результате контроля за его мыслями со стороны власти приобретает то, что В. Шкуратов называет слоем «политического бессознательного»: сомнения, опасные мысли, отрицательные эмоции, в которых нельзя признаться другим и даже себе. Создается цепочка внутренней цензуры: кое-что можно обсуждать с наиболее близкими людьми, кое о чем думать про себя, кое о чем помыслить страшно. Некоторые социальные мыслители усматривали в тоталитаризме тупиковый исход рационализации, отбросившей идею личной свободы.

Российское общество переживает сегодня переходный период, который заключается в переходе к капиталистическим, рыночным отношениям. Европа этот переход пережила в XVII веке. Рационализм XVII века в развитии европейского самосознания характеризуется наступлением материализации духа на фоне победы рационализма. Соответственные перемены происходят и в общественном сознании. Человек, в недалеком прошлом мнивший себя хозяином своей воли и своих поступков, отныне оказывается в плену множества объективных обстоятельств, недавно он видел себя центром мира и действовал согласно собственным побуждениям, теперь он — только малая часть некоего общественного целого, противостоять законам которого он бессилён.

Именно теперь появляется некая непреодолимая преграда между личностью и обществом как причина их взаимного отчуждения — качество, которое в полной мере станет печальным достоянием более поздних этапов нового времени, но впервые во всей роковой неизбежности открывается мыслителю и художнику как раз в XVII веке. Так возникает трещина между личностью и миром, между отдельным человеком и общественной средой — диссонанс, ставший отныне неотъемлемым признаком эволюции общества.

Духовный конфликт между личностью и обществом можно было наблюдать и в прошлые времена, но теперь этот конфликт обретает несравненно более широкую форму, в той или иной мере, в разных аспектах, но равно обязательно распространяясь на представителей различных социальных кругов.

Н. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», характеризуя Россию в XIX веке, когда Европа уже строит индустриальное общество, говорит о России как об огромном, необъятном мужицком царстве, где мужик закрепощен, безграмотен, но это страна, обладающая своей народной культурой, основанной на вере, с господствующим дворянским классом, ленивым и малокультурным, нередко утерявшим религиозную веру и национальный образ, с царем наверху, в отношении к которому сохранилась религиозная вера, с сильной бюрократией и очень тонким и хрупким культурным слоем. Культурный слой чувствовал себя раздавленным двумя силами — народом и властью. Интеллигенция XIX века стояла над бездной, которая всегда могла разверзнуться и ее поглотить. Лучшая, наиболее культурная часть русского дворянства чувствовала ненормальность и неоправданность своего положения, свою вину перед народом. В России наиболее актуальными являются вопросы социальной, религиозной и культурной толерантности.

Данное пособие раскрывает принципы и методы работы учителя с текстом, целью которой становится формирование толерантности у учащихся. Пособие предназначено для преподавателей общеобразовательных учреждений.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ

Существуют различные взгляды на природу толерантности и на способы материализации ее принципов. Государство выразило свою позицию, которая нашла отражение в политическом решении: постановлением Правительства РФ от 25 августа 2001 года № 629 утверждена Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Понятие «толерантность» применяется в трактовке Декларации принципов толерантности, принятой странами-членами ЮНЕСКО в 1995 году.

Цель Программы — «формирование установок толерантного сознания, определяющих устойчивость поведения в обществе толерантных личностей и социальных групп, как основы гражданского согласия в демократическом государстве». Государственным заказчиком Программы выступило Министерство образования РФ, в качестве разработчиков — Министерство образования РФ, Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики РФ, Министерство культуры РФ, Российская академия наук, Российская академия образования. Исполнители Программы — высшие учебные заведения, научные и другие организации, отобранные на конкурсной основе.

Основные направления реализации Программы:

1. Научно-аналитическое:
  - разработка научно-методических основ противодействия экстремизму и формирования толерантного сознания в гражданском обществе;
  - разработка методов диагностики, экспертизы и мониторинга проявлений экстремизма в обществе и средствах массовой информации;
  - разработка социально-психологических методов устранения экстремистских настроений в массовом сознании.
2. Пропаганда и контрпропаганда:
  - использование средств массовой информации для раскрытия антиобщественной природы экстремизма в различных его формах;
  - проведение социально-психологической экспертизы публикаций, теле- и радиопрограмм, провоцирующих разжигание национальной и религиозной розни;
  - издание публицистических программ, способствующих становлению толерантного сознания, снижению социальной напряженности в обществе.
3. Образовательно-методическое:
  - создание и распространение образовательных программ, направленных на формирование толерантного сознания, веротерпимости и обучение межкультурному диалогу в образовательных учреждениях всех уровней;
  - разработка и внедрение специальных тренингов в учреждениях по подготовке и переподготовке специалистов в сфере массовых коммуникаций, государственных служащих, а также работников органов правопорядка.
4. Нормативное, методическое и организационное:
  - разработка методических документов и создание условий, необходимых для проведения социально-психологической экспертизы публикаций и

- передач в средствах массовой информации, разработка новых образовательных программ, включая интерактивные средства обучения и игры;
- разработка законодательства, направленного на формирование толерантного поведения, на борьбу с проявлениями экстремизма, национальной и религиозной нетерпимости;
  - разработка механизмов оказания помощи жертвам экстремизма, агрессии, беженцам и вынужденным переселенцам.

Инициатор и научный руководитель ФЦП «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001—2005) А. Г. Асмолов подчеркивает, что образование — сфера, ответственная за выполнение задач программы, так как имеет непосредственное отношение к таким мировоззренческим категориям, как менталитет и толерантность.

В рамках Федеральной государственной программы научно-аналитической, образовательно-методической, нормативно-методической и организационной деятельностью занимались и продолжают заниматься научные коллективы, среди которых коллектив под руководством С. К. Бондыревой (Московский психолого-социальный институт), выполнивший комплекс научных исследований по проблемам воспитания толерантного сознания и формирования толерантных отношений. Работы ученых позволяют раскрыть специфику современной ситуации в сфере межэтнических отношений, приблизиться к пониманию феномена толерантности, рассмотреть теоретические основания и методические подходы к решению актуальной проблемы.

Исследуя толерантность как объективно возникший социальный феномен, как инструмент регулирования этносодержащих отношений, С. К. Бондырева предлагает рассматривать толерантность как «единство толерантного сознания, толерантных отношений, толерантного поведения».

Определяя условия, средства, формы воспитания толерантного сознания и формирования толерантных отношений, автор рекомендует, прежде всего, учитывать особенности самого воспитываемого субъекта: его нынешнюю включенность в ситуацию пересечения многих культурных каналов через СМИ, новые темпы взросления, стремление использовать этнический компонент как средство самоутверждения, потребность приобщения к новому пространству, миру. Помимо информационной и информационно-коммуникативной форм передачи знаний о нормах общения, знаний об этносе, С. К. Бондырева выделяет «реальное практическое действие и взаимодействие воспитуемых», обеспечивающее сочетание малых «доверительных» коллективов с широким выходом детей за их пределы. Обеспечит реализацию самоопределяющегося ребенка не только в замкнутом мире школы, но и в процессе приобщения к миру «многоструктурный, многослойный, многообразный диалог»¹.

Мысль С. К. Бондыревой о недостаточности только теоретических знаний о характеристиках общения, а также о необходимости выхода воспитуемых за пределы школы развивает А. П. Садохин. По его мнению, выход в широкий мир предполагает владение способами поведения и реагирования, которые не

¹ Бондырева, С. К. Феномен толерантности в системе межэтнических отношений / С. К. Бондырева // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — С. 18.

наносит вреда другому. Эти способы поведения должны стать внутренней установкой каждого человека. Автор высказывает идею воспитания «в духе толерантности» — это идея «добровольного и сознательно выбранного отношения к поведению и поступкам другого»², — особенно подчеркивая при этом значимость умения педагога управлять своим поведением и учить этому воспитанника на примере собственного поведения.

К специальным умениям взаимодействия с детьми отнесены гностические, проектировочные, конструктивные, организаторские и коммуникативные; среди важнейших качеств педагога, воспитывающего толерантную личность, — «верность общечеловеческим ценностям, духовное богатство, демократизм, эмпатия»³.

Идея толерантности по замыслу авторов проекта⁴ должна оформиться в «образе толерантной личности», которую отличают следующие характерные черты:

- гуманность, предполагающая внимание к самобытному внутреннему миру человека, веру в его доброе начало, человечность межличностных отношений, отказ от методов принуждения и форм подавления достоинства человека;
- рефлексивность — глубокое знание личностных особенностей, достоинств и недостатков, установление их соответствия толерантному мировосприятию;
- свобода, выражающаяся в дисциплине и долге, не приемлющая насильственных предписаний и запретов, способная привести к верным законам, авторитет которых — гарантия их реализации в жизни;
- ответственность — проявление внутренней силы в ситуации принятия решения, его качественного выполнения на основе вариативного подхода и системы личных требований;
- защищенность — гарантия понимания и поддержки, ощущение безопасности и объединение с другими людьми в противостоянии пагубному воздействию социума;
- гибкость — умение в зависимости от состава участников событий и возникших обстоятельств принять решение; выстраивание системы отношений на основе владения полноценной информацией;
- уверенность в себе — адекватная оценка собственных сил и способностей, вера в возможность преодолеть препятствия;
- самообладание — владение собой, управление эмоциями, поступками;
- вариативность — многомерный подход к оценке окружающей жизни и принятие адекватных сложившимся обстоятельствам решений;
- перцепция — умение подмечать и выделять различные свойства людей, проноскивать в их внутренний мир;
- эмпатия — сопереживание проблемам других людей, эмоциональная оценка событий;

² Садохин, А. П. Толерантное сознание: сущность и особенности / А. П. Садохин // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — С. 30.

³ О Федеральной программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001—2005 гг.):» Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2001 г. № 629 // Собр. законодательства РФ. — 2001. — № 36. — Ст. 3577; Нар. образование. — 2003. — № 1. — С. 225-263.

⁴ Аджиева, Е. М. Этнопедагогические и этнопсихологические условия воспитания толерантности / Е. М. Аджиева // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — С. 98.

- чувство юмора — ироническое отношение к несуразным обстоятельствам, непродуманным действиям, умение посмеяться над собой.

Черты толерантной личности соотносятся, по замечанию авторов, с характеристиками «самоактуализирующейся личности» по А. Маслоу: принятие себя, принятие других, принятие мира, аутентичность, социальный интерес, креативность, демократизм, метамотивированность⁵.

Реализация проекта по воспитанию толерантного сознания и формированию толерантных отношений предусматривает применение методических средств, направленных на диагностику характеристик, связанных с толерантностью (уровни ауто толерантности, межличностных отношений, межгрупповых отношений, уровень общих личностных черт)⁶, а также педагогических технологий, наиболее точно ориентированных на развитие толерантности личности как ценностной ориентации и уникального качества. Авторы выделяют такие технологии, которые, «во-первых, являются личностно ориентированными, во-вторых, имеют диалогическое основание, в-третьих, рефлексивными, в-четвертых, эмоционально насыщенными и, в-пятых, создающими имитационное пространство»⁷. К таким технологиям относят технологию общения Н. Е. Щуровой и О. П. Залекер.

Выполненный проект, реализующий комплексный подход рассмотрения и решения проблемы воспитания толерантного сознания и формирования толерантных отношений, обозначил взаимосвязь и взаимообусловленность ее основных педагогически значимых аспектов: 1) идейной направленности образовательного процесса; 2) особенностей воспитываемых субъектов на современном этапе; 3) умений и качеств педагогов; 4) внутренних установок участников образовательного процесса; 5) форм передачи знаний. Перечисленные аспекты предложены для осмысления всем участникам образовательного процесса, которые должны принять идею о том, что понятие «толерантность» по смысловой насыщенности значительно шире, нежели просто «терпимое отношение».

Итак, методологические ориентиры формирования толерантного сознания заданы. Напомним сроки и этапы реализации Программы:

I этап (2001 г.) — разработка научно-методических основ профилактики экстремизма и формирования толерантного сознания; внедрение в массовое сознание позитивных установок по отношению к толерантности.

II этап (2002—2003 гг.) — разработка и экспериментальное внедрение механизмов профилактики экстремизма и формирования толерантного сознания и поведения.

III этап (2004—2005 гг.) — полномасштабное внедрение механизмов профилактики экстремизма и формирования толерантного сознания и поведения.

⁵ Бондырева, С. К. Феномен толерантности в системе межэтнических отношений [Текст] / С. К. Бондырева // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — С. 18.

⁶ Гриншпун, И. Б. Понятие и содержательные характеристики толерантности (к вопросу о толерантности как психическом явлении) [Текст] / И. Б. Гриншпун // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — С. 40.

⁷ Асташова, Н. А. Проблема воспитания толерантности в системе образовательных учреждений [Текст] / Н. А. Асташова // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — С. 80.

Как видим, «полномасштабное внедрение» механизмов профилактики экстремизма и формирования толерантного сознания и поведения запланировано на 2004—2005 гг. В 2009 г. следовало ожидать оформившихся в значимые достижения результатов успешного функционирования «механизма». Но культура толерантности не создается президентскими указами или постановлениями правительства.

Российский философ В. В. Шалин, размышляя о необходимости формирования такого типа личности, которая обладала бы развитой культурой толерантности, утверждает, что школа как социальный институт имеет огромные возможности для формирования толерантности.

Практика показывает существующее противоречие между широкой представленностью теоретических и практических работ, посвященных исследованию толерантности в различных общественных и гуманитарных науках, и, с другой стороны, отсутствием реально действующего школьного «механизма» формирования толерантности. Заметим, что классные часы рекомендованы для проведения 1 сентября 2009 г. Президентом РФ, подготовка же мероприятия вызвала затруднения у педагогов в силу отсутствия осведомленности о содержании Федеральной целевой программы.

На фоне общей картины отсутствия интереса со стороны педагогических коллективов школ Сахалинской области к обозначенной проблематике все же есть опыт разработки и внедрения авторских учебных программ, интересных ориентацией на конкретные детские коллективы (Е. Я. Жукова, СОШ № 2 г. Долинска Сахалинской области; Г. И. Орлова, СОШ с. Огоньки Анивского района Сахалинской области). Общая же ситуация (отсутствие интереса к ФЦП) объясняется и значимым фактором в сфере среднего образования: оно развивается по пути все большей предметной специализации (влияние и требование новых форм государственной итоговой аттестации), когда процесс становления системы ценностей становится второстепенным.

Поскольку идеи толерантности формировались постепенно, исторически, начиная со Средневековья, то понятно, что невозможно свести формирование толерантного сознания россиян к реализации и решению задач, поставленных государственными программами в пяти- и даже десятилетний сроки, учитывая геополитическое положение страны, особенности менталитета россиян, связанного с дефицитом рациональности сознания, сформировавшимися этническими стереотипами российских граждан и особенностями коммуникативного поведения. Воспитание толерантности необходимо вести с учетом наших собственных реалий, особенностей наших традиций и культуры, но, главное, готовности сознания людей к тем или иным изменениям и особенностям объективно сложившихся условий. Анализ источников по проблеме толерантности, а также нормативно-государственных документов позволил сделать вывод о том, что формирование толерантности является актуальным направлением современной педагогической науки и школьной практики.

ГЛАВА 2 ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Генезис темы толерантности в философии сложен и может быть рассмотрен с применением различных подходов.

Историко-культурный подход к теме, обусловленный пониманием того, что толерантность трактуется различным образом на различных этапах исторического процесса, подразумевает ретроспекцию осмысления этого феномена.

Проявления толерантности сопутствуют истории человечества, и на всем ее протяжении люди пытаются познать этот феномен. Античная эпоха имеет неоспоримое значение для разработки темы толерантности. Среди важнейших вопросов античной философии — вопрос о человеке, о его месте в космосе, о свойствах и строении души, о назначении человека, о благе и добродетели, о достижении наилучшего состояния души — «эвдемонии» (блаженства, счастья) или «атараксии» (безмятежности, мудрого невозмутимого спокойствия). В классический период античной философии закладываются основы этики, философской теории морали (Сократ); соединившись позднее с христианством, учение Платона заложило основу для всей последующей европейской традиции понимания идеального, духа и духовности человека; учение Аристотеля охватывает все области тогдашнего научного знания, в том числе и области, связанные с познанием внутреннего мира человека и его отношений с миром. Толерантность может быть отождествлена с обузданием страстей посредством воспитания и знания (Сократ); стремлением к «золотой середине» (Аристотель); воздержанностью (Пиррон).

Попытки метафизического представления толерантности получают развитие в раннехристианской философии (патристике), которая рассматривается в контексте средневековой философии.

В Средние века разработка темы толерантности велась в рамках интерпретации (буквальной, аллегорической, тропологической, анагогической) новозаветных текстов, выяснения эсхатологического смысла Священного Писания. В патристике, философии и теологии духовно-религиозных вождей христианства до VII в. толерантность мыслится как любовь, благоволение и милость к человеку (Августин Блаженный, Василий Великий). Толерантность была открыта миру воочеловечением второго лица Троицы, Бога-Сына, в облике Иисуса Христа. Весь акт воочеловечения — от предсказания о рождении Христа до Его воскресения — может быть понят как акт толерантности Бога к человеку. Поэтому в христианской новозаветной традиции толерантность представлена как религиозная ценность, определяющая образ мысли и действия христианина. Учения, выработанные отцами Церкви, стали основополагающими для христианского религиозного мировоззрения.

В Новое время пристальный интерес к теме толерантности вызывается напряженным состоянием межрелигиозных отношений. Идеи религиозной терпимости (веротерпимости), которые были призваны упорядочить религиозные отношения, разрабатываются в трудах мыслителей эпохи Просвещения (Пьер Бейль, Вольтер, Г. Э. Лессинг и др.). П. Бейлем, чьи идеи легли в основание учения о терпимости, впервые заявлено, что нравственные поступки и достоинства не зависят от религиозных убеждений. Толерантность предстает как раци-

ональное средство регулирования социальных отношений. Просветители ставят вопрос о границах и возможностях толерантности.

В современной философии возникают новые аспекты исследования темы толерантности. Выясняется статус толерантности в обществе, делаются попытки ее целостного описания (С. Мендус, М. Уолцер, Дж. Хортон, С. Е. Вершинин, А. В. Перцев, М. Б. Хомяков, В. А. Лекторский и др.). Деятельность международной организации ЮНЕСКО (Ф. Лосано, Ф. Майор, К. Мацуура и др.) отражает стремление распространения толерантности в социальной жизни (привлечение внимания общественности, популяризация темы толерантности и т. д.). Особое внимание в современной философии уделяется проявлениям толерантности в различных сферах жизни общества — коммуникации (Ю. Ершов), международных (С. А. Кропотков, В. И. Михайленко), межэтнических отношениях (В. Е. Козлов, Н. В. Мольденгауэр), морали (П. Николсон), политике (Дж. Мерфи, Дж. Чой, В. В. Шалин), праве (Дж. Горман, Н. Маккормик), религии (У. Джеймс, Дж. Коффи), экономике (В. О. Лобовиков), этике (Р. Р. Валитова, Н. Грамер, Г. Невью). При этом пути распространения толерантности в социальной жизни усматриваются преимущественно в образовании (Г. Д. Дмитриев, Д. В. Зиновьев, Е. Ю. Литвиненко, Р. Пратт, К. Уэйн и др.). Большое разнообразие в трактовке толерантности вызвало необходимость анализа воззрений на толерантность. Историко-философский аспект темы толерантности актуализирован в работах таких авторов, как Р. Верной, Дж. Гаттиангади, О. Грелл, В. М. Золотухин, И. Карли, Дж. Лаурсен, В. А. Лекторский, У. Монтер, К. Нидерман, Р. Портер, А. В. Скворцов и др.

Национально-культурный подход к освоению темы толерантности позволяет рассмотреть английскую (англоязычную), немецкую, русскую философскую традицию понимания толерантности.

Английская философская традиция (точнее, следует говорить об англоязычной традиции, имея в виду преемственность английской философии, с одной стороны, и австралийской, канадской, философии США — с другой) отстаивает обоснованность толерантности как ценности человеческой жизни — необходимой, полезной и почетной для человека. В становлении англоязычной традиции понимания толерантности, с точки зрения Д. Эдвардса, главную роль играют такие произведения, как трактат Дж. Мильтона «Ареопагитика», «Письма о веротерпимости» Дж. Локка и «О свободе» Дж. Милля.

В целостную систему представления о веротерпимости оформляются в трудах английского философа Дж. Локка, у которого под веротерпимостью понимается, прежде всего, непричинение вреда (как физического, так и морально-го) другим людям по мотивам их принадлежности к другому вероисповеданию. Иногда называемый «интеллектуальным вождем XVIII в.» и первым философом эпохи Просвещения, Локк оказал глубокое воздействие на историю культуры и общества, в частности, на разработку английской, французской, а впоследствии и американской конституции. Локк развивает идеи философии либерализма под влиянием прагматического либерализма Шефтсбери, осознавшего, что религиозная терпимость позволила голландским коммерсантам достичь процветания, и если бы англичане положили конец религиозным распрям, то смогли бы создать империю, не только превосходящую голландскую, но равновеликую

владениям Рима. Первое «Письмо о веротерпимости» Локк создал на латыни («*Epistola de Tolerantia*»). Примечательно, что именно в это время французский король Людовик Четырнадцатый отменил Нантский Эдикт (1598), предоставлявший протестантам свободу вероисповедания. В результате Франция покинуло около 200 000 протестантов. В «Письме о веротерпимости» Локк выступил против традиционного взгляда, согласно которому светская власть вправе насаждать «истинную веру» и «истинную мораль». Он писал, что силой можно заставить людей только притворяться, но никак не верить. А укрепление нравственности (в том, что не затрагивает безопасность страны и сохранение мира) — это обязанность не государства, а церкви. За первым последовали «Второе письмо о веротерпимости» («*A Second Letter Concerning Toleration*», 1690); «Третье письмо о веротерпимости» («*A Third Letter for Toleration*», 1692). Согласно Локку, Бог не «поручал» правителям заботы о вере и спасении, которые принадлежат исключительно к компетенции религии и ее институтов. Методы деятельности управляющих государственных инстанций и институтов религии тоже различны. Одно дело — управлять, организовывать и командовать, действуя компетентно и грамотно, а другое дело — убеждать и увещевать, обращаясь к духу и душе человека. Отсюда Локк делает вывод, что разработка законов, относящихся к вере, религии, церкви, есть компетенция церкви. Но сама церковь должна оставаться исключительно свободным и добровольным объединением людей во имя служения Богу и спасения своих душ. Принадлежность к соответствующим церкви и вероисповеданию должна определяться не фактом рождения: каждый человек вправе свободно и самостоятельно определять, к какой именно церкви, то есть к какому именно свободному добровольному сообществу, он хотел бы примкнуть. Но и церковь не должна претендовать на то, чтобы от своего имени или во имя веры принимать решения относительно состава гражданских дел и характера их исполнения, хотя мнения церкви и верующих по этим вопросам гражданские власти обязаны принимать в расчет. Не дело церкви — брать на себя роль гражданских инстанций и тем более принимать участие в преследованиях граждан-иностранцев, в которые иногда в политических и экономических целях втягивает их государство. Установив эти принципы свободы вероисповедания и разделения сфер компетенции государственных и церковных властей, Локк тем не менее реалистически осмысливает часто возникающие здесь конфликты и противоречия. И во всех случаях либеральный, гуманистический — в толковании Локка истинно христианский — принцип веротерпимости последовательно ставится во главу угла. «Письма о веротерпимости» Дж. Локка считаются классикой демократической литературы. Дж. Локк, сторонник самоопределения человека, признавал свободу вероисповедания как одно из основных «естественных прав», которого государство лишит человека не может: «Достославному мужу Лимборху из Амстердама, профессору теологии в коллегии ремонстрантов, ненавистнику тирании, от англичанина Джона Локка, друга мира и ненавистника угнетения. На твой вопрос... каково мое мнение о взаимной веротерпимости христиан, я отвечу кратко: я считаю его основным критерием истинной церкви... И пусть никто не пытается прикрасить жестокие преследования, столь чуждые христианству, заботой о государстве и соблюдении законов, и, напротив, пусть никто, прикрываясь ссылкой на иную религию, не ищет для себя моральной вседозволенности и безнаказанности преступлений...»

Воззрения Локка на толерантность явились основополагающими для ее понимания в западной культуре, вследствие чего на протяжении последующих трех столетий рассуждения на тему толерантности сконцентрированы именно вокруг его идей, представляя собой попытки их критики и развития.

В Германии в философские споры в отношении религии, веротерпимости, религиозной толерантности были вовлечены многие исследователи: Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. Кант, Г. Э. Лессинг, И. В. Гете, Г. Гейне, Новалис, Ф. Э. Д. Шлейермахер, Г. В. Гегель, Ф. Г. Якоби, И. Г. Гердер, И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинг.

Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781) заслуживает особого внимания в списке деятелей эпохи Просвещения. Основоположник немецкой классической литературы, драматург, философ, уповая на действенную силу Искусства, силу благородного примера, создает философскую пьесу-притчу «Натан Мудрый» (1779). Именно она признается заложившей основы «новой религии», именуемой сегодня экуменизмом, а ее центральные персонажи воплотили две противоборствующие идеи: фанатической нетерпимости (патриарх) и добродетельной терпимости (Натан). За пьесой последовал трактат «О воспитании рода человеческого», своеобразный эпилог пьесы. Сталкаясь на сценической площадке участников философско-теологического диспута (христианство, иудаизм и мусульманство), автор борется против религиозной нетерпимости и церковных распрей, против анти-семитизма — наследия Средневековья. Он выдвигает космополитический идеал человека, поднявшегося над распрями. Философски обобщенный образ Натана, заимствованный из «Декамерона» Боккаччо легенда о трех кольцах позволяют автору раскрыть свое гуманистическое кредо: «Der echte Ring vermutlich ging verloren» («Подлинное кольцо предположительно потерялось»: пусть каждый считает свое кольцо истинным и живет так, как если бы оно было истинным; «Пусть каждый стремится к неподкупной, свободной от предрассудков любви»). Гражданская позиция Лессинга не была воспринята вовремя его народом, зато услышан патриарх: «Der Jude wird verbrannt» («Еврея сжечь!»).

Лессинг развивает неожиданные для его времени мысли: религия лишь ступень в умственном и нравственном развитии человечества; все религии «равно истинны», но могут лишиться ценности, если будут подчинять убеждения человека.

Запрещенная в годы фашизма драма Лессинга — проповедь терпимости (Duldung), но не бесстрастной, безразличной к реакции, фанатизму, а деятельной.

Осмысление немецкой философской традиции предпринято крупнейшим представителем Франкфуртской школы, профессором философии и социологии Юргеном Хабермасом (1929). Рассматривая наиболее значимые труды предшественников, он отмечает, что уже Спиноза и Локк в философских обоснованиях религиозной толерантности, «проблема толерантности в широком смысле», наметили путь от правового акта односторонне объявленной верховной властью религиозной терпимости к праву на свободное отправление религиозных обрядов, которое опирается на взаимное признание свободы вероисповедания в отношении иных конфессий. Их преемником в немецкой философии стал Райнер Форст, который противопоставляет «разрешительной концепции» предоставивших религиозные свободы правителей «концепцию уважения», отвечающую пониманию религиозной свободы как одного из основных прав граждан.

Тезис о взаимном признании правил толерантных отношений, выдвинутый еще П. Бейлем, развивал И. Кант. На основе этого тезиса, по мнению Хабермаса,

может быть разрешен также и тот мнимый парадокс, который «побуждал Гете отвергать толерантность как обидную снисходительность и благосклонность. Этот парадокс, по-видимому, состоял в том, что любой акт толерантности должен описывать характеристики того, что необходимо принимать и терпеть, и тем самым толерантность одновременно должна очерчивать свои границы... До тех пор, пока обозначение этой границы осуществляется авторитарно, то есть односторонне, толерантное отношение сохраняет позорное пятно произвольного исключения. Только такое определение области толерантности, которое в равной мере убеждает все участвующие стороны, способно отвести острие нетерпимости. Участники должны всякий раз принимать во внимание перспективу (видение) другой стороны, если им необходимо совместно договариваться об условиях, при которых они намерены проявлять взаимную толерантность»⁸.

Ю. Хабермас синтезирует идеи многих мыслителей, развивает их. Генетически возводя толерантность к религиозной толерантности, он определяет последнюю как «непредвзятое отношение к людям иной веры», а толерантность «в широком смысле» понимает как «толерантное отношение вообще к инакомыслящим». Уточняя свою идею о сущности толерантности и о ее объекте, Ю. Хабермас подчеркивает, что проявлять толерантность мы можем «только в отношении убеждения, отвергаемого исходя из лучших субъективных соображений, и именно таким путем, чтобы это когнитивное отвержение не повлекло за собой никакой практически «непреодолимой» антипатии. Нам не требуется быть толерантными к чужим взглядам и точкам зрения, когда мы к ним уже и так индифферентны или даже осознаем ценность этого «иного понимания». Рассматривая механизм толерантности, Ю. Хабермас приходит к выводу о том, что ожидание толерантности требует от нас сознательно «отвлечься» от сохраняющегося на когнитивном уровне несогласия ради разрешения противоречий на уровне социального взаимодействия, чтобы на некоторое время (for the time being) отстраниться от этого несогласия.

Рассматривается Ю. Хабермасом также «рациональная структура отношения», требуемого от толерантной личности. Что именно должна «терпеть» эта личность? Отвечая на этот вопрос, Хабермас предлагает тезис, который неоспорим для «верующих или же тех, кто путешествует по жизни с большим метафизическим багажом»: «...чужой этос имеет для другого ту же аутентичность и обладает для него тем же первенством, что и собственный этос для тебя самого». (Под этосом автор понимает «моральный облик, духовный склад».)

Резюмируя суждения Ю. Хабермаса, представляющего немецкую философскую традицию, отметим наиболее значимые для нас идеи:

1. Этично поднимать вопрос о толерантности, когда устранены все предрассудки, предубеждения относительно тех, кто «по традиции» подвергался дискриминации. Толерантность должна быть актуализирована в обществе «равных», «полноценных»: «Норма полного включения всех граждан должна быть принята прежде, чем мы сможем выдвинуть требование толерантности. Только критерий недопущения дискриминации создает те

⁸ Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий. Торжественный доклад ко дню Лейбница в Берлин-Бранденбургской Академии Наук (29 июня 2002 г.) / Ю. Хабермас // <http://www.isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/habermas.pdf> © 2006 г.

моральные и правовые основы взаимоотношений граждан, которые оказываются сильнее веских доводов к отвержению терпимых в нем убеждений и воззрений других. На этой основе нормативного соответствия притупляется конфликтный потенциал продолжающих существовать на когнитивном уровне противоречий между конкурирующими видениями мира в социальном измерении гражданского равенства».

2. Определяя толерантность как «непредвзятое отношение» к инакомыслящим, Ю. Хабермас уточняет, что все-таки речь идет о толерантности не по отношению к носителям убеждений, а по отношению к убеждениям, причем если «отвержение касается убеждений, мотивирующих поведение».
3. Влияние толерантного отношения на выбор линии поведения осуществляется под влиянием установки «проявлять уважение к людям иной веры или иного образа мыслей и относиться к ним как к равноправным согражданам». Данный тезис вписывает немецкую традицию во всеобщую.

ГЛАВА 3

ТОЛЕРАНТНОСТЬ

В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Мыслителей всех времен и всех национальных сообществ волновали проблемы совершенствования человека и общества, преодоления присущих им противоречий, гуманизации социальных отношений, достижения всеобщего благоденствия и справедливости. Добытые истины «высокого порядка», по замечанию Н. О. Лосского, иногда выпадают из жизни других поколений, и «требуются новые усилия для того, чтобы восстановить и вновь понять давно уже открытые истины»⁹. Для постижения русской национальной специфики феноменологии толерантности необходимо рассмотреть, как закладывались основы ее концепции и обратиться с этой целью к наследию Н. М. Карамзина (задавшего нравственный пафос русской философской мысли), А. С. Хомякова (сумел дать формулу глубинной сути православной религиозности — ввел понятие «соборность»), Ф. М. Достоевского (ему принадлежит мысль сформулировать «русскую идею»), Вл. С. Соловьева (как одного из главных носителей «русской идеи»), Н. А. Бердяева (предложил лаконичную и емкую формулу «русской идеи»: «все ответственные за всех») и его последователей — Н. О. Лосского, В. В. Розанова, Л. Н. Толстого, С. А. Франка, В. Ф. Эрн и других. Русским религиозным философам удалось представить миру идеи «гения народа русско-го, который, по Достоевскому, отличается «всемирной отзывчивостью». Это идеи «всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия». В философском и публицистическом наследии русских религиозных мыслителей оформились положения, ставшие ключевыми для современных концепций толерантности. Обнаруживаем их и в таких трудах Вл. С. Соловьева, как «История и будущность теократии», «Великий спор и христианская политика», «Россия и Вселенская церковь», «Оправдание добра», «Русская идея».

Вл. С. Соловьев в крупном труде «Оправдание добра» (1897), который был назван П. И. Новгородцевым сводом всей его нравственной философии, рассуждает о первичных данных нравственности. Философ утверждает, что «существует неразложимая основа общечеловеческой нравственности, и на ней должно утверждаться всякое значительное построение в области этики»¹⁰. Толерантность — именно такое «построение», поэтому важен вопрос о его основах. В контексте толерантности для нас важны суждения Соловьева о том, что составляет «корень этического отношения» человека к миру, а именно: к «низшему, материальному началу жизни в каждом человеке», «к другим человеческим и вообще живым существам, ему подобным» и «к чему-то особому, что признается им как высшее, чего он ни стыдиться, ни жалеть не может, а перед чем он должен преклоняться»¹¹. «Этическое отношение», соотносимое нами с толерантностью как отношением, имеет, по Соловьеву, три основания: чувство стыда, чувство жалости и чувство благоговения. Чувство стыда определяет этическое от-

⁹ Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://zaistinu.ucoz.ru/news/2009-04-28-858>

¹⁰ Соловьев, В. С. Оправдание добра [Текст] / В. С. Соловьев [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vchi.net/soloviev/oprav/01.html>

¹¹ Соловьев, В. С. Указ. соч.

ношение человека к материальной природе. Это чувство имеет принципиальное значение и ставится Соловьевым на первое место в силу того, что оно обеспечивает «внутреннюю самостоятельность и высшее достоинство человека»¹². Рядом философ ставит первичное, прирожденное чувство, состоящее в потребности ощущать чужое страдание или проявлять «солидарность с другими». Без этого чувства человек становится безжалостным и падает ниже животного уровня. Испытывают это чувство не по причине общей социальной принадлежности: «...индивидуально-нравственное чувство во всех народах может переступить — и действительно издревле переступает — не только эти тесные, но и всякие другие эмпирические пределы». Сущность «симпатического чувства», «нравственной связи» есть жалость: «Поскольку человек стыдлив и жалостлив, он относится нравственно “к самому себе и ближнему” (употребляя старинную терминологию); бесстыдство и безжалостность, напротив, в корне подрывают его нравственный характер». Вл. Соловьев придает жалости и состраданию особое этическое значение, они понимаются как «внутренние основания нравственного отношения к другим существам»¹³. Вступая в спор с оппонентами по поводу сущности жалости (или сострадания), Соловьев подчеркивает, что она не есть отождествление себя с другим, «признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения — права на существование и возможное благополучие»¹⁴.

Третье чувство образует так называемую «естественную религию» — религиозно-нравственное чувство благоговейной любви человека к тому, что «превосходней его самого».

«Основные» чувства, по мнению Соловьева, исчерпывают область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его: «Господство над материальной чувственностью, солидарность с живыми существами и внутреннее добровольное подчинение сверхчеловеческому началу — вот вечные, незабываемые основы нравственной жизни человечества». Все другие явления нравственной жизни, добродетели есть, по Соловьеву, видоизменения трех основ.

От основных составляющих нравственности Вл. Соловьев переходит к поиску принципа, который позволяет объяснить солидарность всего сущего. Ведущий принцип — объективная нераздельность, «согласие однородного»: «Все существующее вообще, а в особенности все живые существа связаны между собою совместностью бытия и единством происхождения, все суть части и порождения одной общей матери — природы, нигде и ни в чем нет той совершенной отдельности... Это участие существ друг в друге соответствует явному смыслу вселенной, вполне согласно с разумом или совершенно рационально. Бессмысленно или иррационально, напротив, взаимное отчуждение существ, их субъективная отдельность, противоречащая объективной нераздельности»¹⁵. Мысль В. Соловьева близка Н. О. Лосскому: «Первоначально существует целое, и элементы способны существовать и возникать только в системе целого... множественность не образует целого, а, наоборот, порождается из целого»¹⁶.

¹² Соловьев, В. С. Указ. соч.

¹³ Соловьев, В. С. Указ. соч.

¹⁴ Соловьев, В. С. Указ. соч.

¹⁵ Соловьев, В. С. Указ. соч.

¹⁶ Лосский, Н. О. Мир как органическое целое [Текст]: Избранное / Н. О. Лосский. — М.: Правда. — 1991. — С. 340-341.

Вл. Соловьев особое внимание уделяет рассмотрению таких качеств, как терпимость и терпеливость. Он подчеркивает, что добродетелью или пороком они становятся в зависимости от внутренних оснований и предмета. Терпеливость (как добродетель) есть только страдательная сторона того душевного качества, которое в деятельном своем проявлении называется великодушием, или духовным мужеством. Терпимость становится добродетелью, понимаемой как должное отношение человека, то есть отношение, согласованное с тремя данными нравственности: стыдом, жалостью и благочестием. Терпимость истолковывается Вл. Соловьевым как «допущение чужой свободы, хотя бы предполагалось, что она ведет к теоретическим и практическим заблуждениям. И это свойство не есть само по себе ни добродетель, ни порок, а может быть в различных случаях тем или другим, смотря по предмету (например, торжествующее злодеяние сильного над слабым не должно быть терпимо, и потому “терпимость” к нему не добродетель, а безнравственность), главным же образом — смотря по внутренним мотивам, каковыми здесь могут быть и великодушие, и малодушие, и уважение к правам других, и пренебрежение к их благу, и глубокая уверенность в побеждающей силе высшей истины, и равнодушие к этой истине»¹⁷. Как видим, философ ставит вопрос о границах толерантности. Заметим попутно, что отечественная философская мысль поднимает проблемы, связанные как с разграничением «терпимости» среди других «актов поведения» (Л. И. Петражицкий), так и с поиском смысла этого понятия. Терпимость определяется как «искусственно отысканная середина» (И. В. Киреевский, Н. Я. Данилевский); как надежное оружие для избежания расколов (А. П. Куницын); физиологическая характеристика человека (П. Я. Чаадаев); допущение чужой свободы (Вл. Соловьев); терпимость — элемент активного сотрудничества (Л. И. Петражицкий, К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский); терпимость как политическая умеренность и гражданское мужество (С. Л. Франк); терпимость как показатель нравственной сознательности (Н. А. Бердяев); терпимость как сочувственное отношение к чуждому (С. В. Мейен); внутренне активное отношение, проявляемое то ли в сострадании (и молчании), то ли в действии (и диалоге) (Ю. А. Ищенко); как заинтересованная готовность принять другого таким, каков он есть (Ю. А. Шрейдер).

В тринадцатой главе «Оправдания добра» Вл. Соловьев выводит нравственную форму общности, которая основывается на том, что каждый человек есть нравственное существо, которое независимо от своей общественной полезности имеет безусловное достоинство и право на существование и свободное развитие своих положительных сил. «Право лица, как такового, основанное на присущем ему и неотъемлемом от него человеческом достоинстве, на формальной бесконечности разума во всяком человеке, на том, что каждое лицо есть нечто особенное и незаменимое и, следовательно, должно быть самоцелью, а не средством или орудием только, — это право лица по существу своему безусловно, тогда как права общества на лицо, напротив, обусловлены признанием личного права»¹⁸. При этом Вл. Соловьев делает важное уточнение о том, что принцип безусловного права человеческой личности ни от кого и ни от чего не зависит, а лишь в зависимости от него общество и учреждение получают нравствен-

¹⁷ Соловьев, В. С. Указ. соч.

¹⁸ Соловьев, В. С. Указ. соч.

ный характер. Таким образом, в основе отношений человека и общества лежат нормы, которые сегодня именуются принципом толерантности.

Идеи толерантности развивает Вл. Соловьев и применительно к вопросу о национальной идее. Единство человеческого рода есть религиозная истина, подтвержденная рациональной философией и точной наукой. Человечество — «субстанциональное единство», «великое собирательное существо или социальный организм», «живые члены которого представляют различные нации»¹⁹. Каждый народ не может жить в себе и для себя, он участник общей жизни человечества. Каждая нация выполняет определенную функцию как часть организма. Эта функция и есть истинная национальная идея, установленная Богом. Поскольку нация — как и отдельный индивид — моральное существо, то определяющая ее существование идея выступает в форме морального обязательства. Вл. С. Соловьев замечает, что узнать истинную идею у самой нации невозможно, поскольку мнение ее дробится, ведь почти каждое политическое общественное или религиозное объединение полагает, что именно оно знает, в чем состоит миссия его страны. Таким образом, философ высказывает один из важнейших принципов толерантности: ни один человек и ни одна группа не могут претендовать на обладание истиной (в полном согласии с мыслью Г. Лессинга, высказанной в «Натане Мудром»). Однако как религиозный мыслитель Вл. Соловьев говорит, что истинным знанием идеи народа обладает Бог. Задача всего человечества — объединение на духовной основе, достижение единения с Богом в виде особой формы общественного устройства — Вселенской Церкви, Царства Божия. Каждый народ имеет свою национальную идею согласно божественному замыслу. Если страна отказывается от смысла своего существования, как его мыслит Бог, начинает упорствовать в собственных заблуждениях, она и ее историческая миссия обречены на крушение. «Смысл существования наций не лежит в них самих, но в человечестве»²⁰. Со времени прихода Христа на земле существует великое человеческое единство. Оно несовершенно, но движется к совершенству, реализуясь во Вселенской Церкви. И участвовать в жизни этой церкви, христианского мира, исходя из своих сил и дарований, есть единственная истинная цель любого народа. Нации — лишь части живого тела Христа.

В контексте толерантности интересна еще одна идея: «...христианская истина утверждает неизменное существование наций и прав национальности, осуждая в то же время национализм, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида: дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо превращением различия в разделение, а разделения в антагонизм»²¹. Утверждая необходимость сохранения национальных различий, обособленности, философ подчеркивает важность единства на основе «послушания» Божественной воле, прежде чем «объединиться в свободе»²². Чтобы выполнить свою историческую миссию и выявить свою истинную национальную идею, Россия нуждается во втором крещении, но не водой, а «духом истины и огнем любви». Эти суждения философа звучат особенно актуально сегодня на фоне непростых межнациональных отношений. Согласно духу философии всеединства, преодоление «на-

¹⁹ Соловьев, В. С. Русская идея [Текст] / В. С. Соловьев // Россия глазами русского. — СПб.: Наука. — 1991. — С. 312.

²⁰ Соловьев, В. С. Указ. соч. С. 320.

²¹ Соловьев, В. С. Указ. соч. С. 321.

²² Соловьев, В. С. Указ. соч. С. 334.

ционального эгоизма» Вл. Соловьев связывает с идеей Божьего Царства, которое рождается сначала в душе каждого человека, а затем всего человечества. Людям необходимо открыть для себя Добро и Красоту — универсальные, жизненные начала христианства, в которых открывается Бог, — и воплотить их в реальности.

Абстрактные призывы Соловьева к добру конкретизировались в работах С. Л. Франка, П. И. Флоренского. Развивает идеи Вл. С. Соловьева, раскрывает содержание понятия Царства Божьего Н. О. Лосский: «Мир гармонии есть совершенное творение Божие, состоящее из множества существ, из которых каждое живет в Боге и для Бога, и, в силу такого единства цели, все они живут также друг в друге и друг для друга. Это — подлинное Царство Божие. Множественность в этом царстве обусловлена только идеальными отличиями одного члена от другого, т. е. индивидуализирующими противоположностями, без всякого участия противоборствующих противоположностей, а, следовательно, и без всякой вражды одних существ к другим. Здесь нет эгоистического обособления и взаимоисключения... Такое гармоническое бытие кажется столь далеким от нас, столь непохожим на обитаемое нами царство вражды... Между тем... царство гармонии ближе к нам, чем мы думаем... только под влиянием ложных теорий и одностороннего направления внимания на другие области вселенной оно кажется чем-то совершенно чуждым»²³. Согласно персоналистической метафизике, отстаиваемой Н. О. Лосским, мир состоит из «субстанциальных деятелей, которые все суть личности, или актуальные, или, по крайней мере, потенциальные. Деятели, проникнутые совершенной любовью к Богу и всем существам, суть члены Царства Божия; они совершенны, обожены и живут абсолютно полной жизнью... Все остальные деятели в мире, будучи более или менее эгоистичными, т. е. отпадшими от Бога и Царства Божия, ведут поэтому жизнь в той или иной степени обедненную, нередко даже стоящую на степени лишь потенциально-личного существования. Все они стремятся к абсолютной полноте бытия, но не обладают ею»²⁴. По пути добра человек способен продвигаться постепенно; «суровая требовательность» допустима лишь в отношении к самому себе, что же касается отношения к другим людям, здесь необходимы снисходительность и защита свободы, вплоть до относительной свободы во зло, так как насильственное водворение добродетели ведет к ухудшению положения.

Н. О. Лосский высказывает мысль о том, что все страдания, все бедствия, все катастрофы в нашем царстве бытия — следствия нарушения гармонии, вызываемого нравственным злом недостатка любви к Богу и тварям его. Выступая интерпретатором творчества Ф. М. Достоевского, Н. О. Лосский в главе «Абсолютные ценности» формулирует значимые для нас идеи. Достоевский исходит из христианской истины о том, что человек есть подобие Бога. Сохраняя в себе образ Божий, человек всегда остается способным для достижения такого совершенства личности, которая есть подобие Божие. Поэтому каждая личность есть абсолютная ценность. Исходя из этого, следует выстраивать наше поведение в отношении друг к другу, руководствуясь не только кодексами морали, но, прежде всего, совестью и любовью. В этом случае «личность челове-

²³ Лосский, Н. О. Царство гармонии или царство духа [Текст]: Избранное / Н. О. Лосский. — М.: Правда. — 1991. — С. 398.

²⁴ Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа / Н.О. Лосский. — М.: Политиздат. — 1991. — С. 323.

ская способна выйти из узкого круга своей ограниченной жизни, усвоить подлинно ценные цели всех существ, как свои собственные, и стать микрокосмом, т. е. вселенною в миниатюре». Наука и социализм, говорит Достоевский, берутся определить, «где кончается ваша личность и начинается другая»; «в христианстве и вопрос этот немыслим»²⁵. Развивая мысль Вл. С. Соловьева о недопустимости национализма при сохранении национального своеобразия, Н. О. Лосский писал: «Соборное единение различных народов предполагает возможность взаимопроникновения национальных культур. Как аромат ландыша, голубой цвет, гармоничные звуки могут наполнять одно и то же пространство и сочетаться воедино, не утрачивая своей определенности, так и творения различных национальных культур могут проникать друг в друга и образовать высшее единство»²⁶. О высшей духовной связи, прочнее всего связывающей всех живущих в России, размышляет и П. И. Новгородцев. Эта связь «не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает ее на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры. Это не угнетение, а приобщение к высшему единству, к единому общению не только формально-юридическому, но и духовному»²⁷. Соборность соотносима с возникшей еще у досократиков идеей всемирного единения, идеей взаимного проникновения, тождественности частей и целого. Через средневековую схоластику и пантеизм Возрождения она влилась в немецкую классику, оформилась в философии Шеллинга, развилась до философского учения у русских славянофилов. Будущее человечества русские философы связывали с русской идеей в различных ее вариантах. Строится русская идея на синтезе восточных и западных особенностей России, которые приносят в мировую культуру естественное многообразие духовного мира людей разных национальностей и вероисповеданий. «Можно выделить три аксиологических атрибута, присущих всем без исключения разновидностям русской идеи: национальный мессианизм, юридический нигилизм и антиутилитаризм. Эти атрибуты следует считать проявлением глубинного корня общечеловеческой ментальности — соборного мировидения, которое оказалось наиболее выразительно представленным в славянском, российском и прежде всего в русском национальном характере»²⁸. Поясняя идею соборности, П. А. Флоренский берет для сравнения русскую песню. Она гетерофонична, то есть допускает полную свободу голосов при сохранении гармонического единства, в ней нет раз навсегда неизменных партий, при каждом из повторений напева появляются новые варианты как у запевалы, так и у хора. Последний нередко вступает не в том месте, как ранее, а то и вовсе не умолкает во время запева. Единство достигается внутренним взаимопониманием, каждый более или менее импровизирует, но тем не разлагает целого — напротив, связывает прочней, ибо общее дело вяжется каждым исполнителем — многократно и многообразно. В своем капиталь-

²⁵ Лосский, Н. О. Бог и мировое зло [Текст] / Н. О. Лосский // Сост. А. Поляков, П. Алексеев, А. Яковлев. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 1999. — 432 с. — (Библиотека философской мысли) — С. 121 — 122.

²⁶ Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа / Н.О. Лосский. — М.: Политиздат, 1991. — С. 323.

²⁷ Новгородцев, П. И. Восстановление святынь [Текст] // П. И. Новгородцев. Об общественном идеале. — М.: Пресса. — 1991. — С. 574.

²⁸ Холодный, В. И. Идея соборности и славянофильство. Проблема соборной феноменологии [Текст] / В. И. Холодный. — М., 1994. — С. 91.

ном труде «У водоразделов мысли» П. Флоренский писал: «Живя, мы соборujemy сами с собой — и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих — по закону тождества — элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр., и пр. Подобно мы собираемся в семью, в род, в народ и т. д., соборуюсь до человечества и включая в единство человечности весь мир»²⁹. О новой культуре мира, которая формируется на базе философской идеи всеединства и религиозной идее соборности (собирания земель благодаря православию, которое примиряет христианские и нехристианские народы) писал А. П. Карсавин. Необходимость объединения людей церковью он обосновывает тем, что «церковь — всеединство человечества, а в нем космоса во Христе, всеединство полное и совершенное»³⁰. Соборность русский мыслитель С. А. Франк рассматривает через призму кровно-родственных связей и пространственно-временных отношений, принимая во внимание территориальное единство, обусловленное географическим положением и климатическими условиями. Разделение людей, казалось бы, неизбежно, однако, соседствуя друг с другом, различные человеческие общности соприкасаются, а потому начинают сознательно приобщаться к совместной жизни на одной территории, таким образом, рождается закономерная естественно-историческая необходимость в общении и соединении людей. Тем более что духовно-нравственные особенности народов все-таки идентичны и имеют единую и глобальную основу. Исходя из этого, главная черта соборности состоит «в ее сверхвременном единстве, в котором мы находим новый, не учтенный нами доселе момент подлинного реального первичного единства общества»³¹.

Наследие славянофильства, как явления русской общественной мысли, способное осветить ключевые проблемы не только прошлых лет, но и современности, и, в частности, проблемы толерантности, имеет обширную историографию, в которой исследователи заново открывают миру «философскую идею Всеединства, базирующуюся на религиозной идее соборности»³². А. О. Митрошенков синтезирует идеи исследователей, рассматривающих славянофильство как идейное течение, которое отразило умонастроения и интеллектуальные поиски либерально мыслящей части русского общества первой половины XIX века, стало ответом на сущностные, смысложизненные для страны вопросы, неотъемлемым элементом и вариантом целостного процесса формирования национального самосознания и самоидентификации. Исследователем выявлен ряд значимых в контексте толерантности ключевых концептов и понятий, которые бытовали и до славянофилов, но лишь у них оказались сплавлены в органичную целостность, «вставлены» каждое на свое место в рамках оригинальной и синкретичной философии, приобрели онтологический смысл: «русская идея», «соборность», «общество», «община», «вера», «церковь», «православие», «народность», «земля», «любовь»³³. Славянофилы, по замечанию А. О. Митрошенкова, стремились мыслить исторически, выводили основные понятия своей соци-

²⁹ Флоренский, П. А. У водоразделов мысли [Текст] / П. А. Флоренский / Сочинения. — М., 1990. — Т. 2. — С. 343.

³⁰ Карсавин, А. П. Путь православия / А. П. Карсавин // Сост. и вступ. ст. П. О. Николова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио». — 2003. — С. 538.

³¹ Франк, С. А. Духовные основы общества [Текст] / С. А. Франк. — М.: Республика. — 1992. — 511 с. — (Миллети XX века). — С. 82.

³² Хилтухина, Е. Г. Философия всеединства — философия Евразии / Е. Г. Хилтухина // Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции. — [Электронный ресурс] СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. — С. 95. — Режим доступа: http://anthropology.ru/texts/khiltuhina/globalism_20/html.

³³ Митрошенков, А. О. Философия славянофилов в современной российской историко-философской литературе [Текст] / А. О. Митрошенков. дис. ... канд. философ. наук: — М., 2003.

альной философии из исторического опыта русского народа, свойств его национального характера. Главным в социальной философии славянофилов является исследование процесса раскола российского общества XIX века на истинное общество с его потенциалом цельного общения и ложное, социальное, представляющее собой искаженный тип цельности. Сущность духовной жизни истинного общества в творческой свободе, жертвенности, простоте, сострадании и терпении человеческой души, которая сама есть органическая целостность сердца, воли и ума. Соборность и хор — модель общественного миропорядка.

Изучая проблему толерантности, В. В. Шаалин («Толерантность», 2000) отмечает, что имплицитно она обнаруживается в контексте вопросов возникновения и развития гражданско-правового сознания в России, особенно в работах тех авторов, которые обращаются к современной либерализации и демократизации страны и стремятся выяснить их исторические предпосылки и действительные условия. Отправным моментом изучения становится тот факт, что в жизнедеятельности людей во многих странах реализуются либерально-демократические ценности. Они не только образуют гражданско-правовую основу и выступают регуляторами индивидуальных и общественных отношений, но и входят в состав моральных установок и ценностей. Важное место среди них занимает толерантность. Предпринимая осмысление исторического опыта либеральных и демократических идей в России, В. В. Шаалин особо выделяет достижения русских религиозных философов конца XIX — начала XX века и философов-либералов, которые «сделали прорыв к социалистическим и демократическим идеям нового времени». Среди них В. Гессен, А. И. Петражицкий, С. И. Гессен. Особенно показателен для В. В. Шаалина опыт правоведа, философа, социолога П. И. Новгородцева (1866—1924). Его «Естественно-правовая философия» противостояла основному течению русской философии начала XX в. — метафизике всеединства, имевшей в себе, по его мнению, антиперсоналистический взгляд. Центральным пунктом либерально-правового учения П. И. Новгородцева был (на том этапе эволюции взглядов философа) принцип нравственной автономии человеческой личности. Стремление отстоять самоценность свободы и автономию индивидуальности было преобладающим. Формальное право свободы, провозглашаемое либерализмом, должно быть, по мысли П. И. Новгородцева, дополнено правом на обеспечение достойного существования. Задача и сущность права состоят действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы: без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком. Эту идею, впервые высказанную Вл. С. Соловьевым, П. И. Новгородцев сформулировал как правовую проблему. Мыслитель поддерживает мысль В. Соловьева о том, что задача права — «служить целям нравственного прогресса, помогать нравственному началу распространяться среди людей»³⁴. Философом выводится правило «равенства исходных шансов». Суть его П. И. Новгородцев выразил так: «Именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях существования; во имя достоинства личности оно должно взять на себя

³⁴ Новгородцев, П. И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева. Речь, произнесенная на торжественном заседании Психологического общества в память Вл. С. Соловьева 2-го февраля 1901 года [Текст] / П. И. Новгородцев. Об общественном идеале. — М.: Пресса. — 1991. — С. 526.

заботу об ограждении права на достойное человеческое существование»³⁵. Конституционное обеспечение личных свобод рассматривалось как наилучший гарант политической стабильности. В связи с этим конституционно-правовая дисциплина признавалась более важной, «первичной», создававшей предпосылки для устранения насилия, произвола, политической дикости. Религиозный поворот, происшедший с П. И. Новгородцевым неожиданно для многих, был подготовлен всем предшествующим духовным развитием мыслителя и в несколько критических лет — национально-государственная катастрофа, постигшая Россию в 1917 и последующих годах — обнажил его результаты. В этом новом видении мира П. И. Новгородцеву иначе открылось существо проблемы, исследованию которой он посвятил всю свою жизнь. Теперь философ осуждает безрелигиозный рационализм, ставящий цель ниспровергнуть живые национальные святыни и «устроиться на земле без Бога» одною лишь силой ограниченного человеческого рассудка. Истоки утопизма лежат, по мысли П. И. Новгородцева, в духовном складе европейской цивилизации, которая, оторвавшись от питавших ее религиозных корней, утверждает себя в секуляризованном рационалистическом сознании. Действительным идеалом общественной жизни является соборное единство, пронизанное началом христианской любви. Духовное объединение и человеческая солидарность укрепляются обращением к Абсолюту, ибо только через путь к Богу в человеке открывается путь к ближайшему. Внутреннее преобразование личности, достигаемое в сознании высшего религиозного начала, есть единственная дорога устройства общественной жизни. Таким образом, тот кризис духа, о котором всегда говорил П. И. Новгородцев, представился ему кризисом безрелигиозного Запада. Последние годы своей жизни мыслитель посвятил созданию проекта новой русской и православной общественной философии, начала которой он нашел в мирозерцании Ф. М. Достоевского и Вл. С. Соловьева. Опыт русской революции заставил П. И. Новгородцева пересмотреть свой взгляд и на значение наследия славянофилов и Достоевского в их отношении к философии права. Считая ранее Достоевского и Вл. Соловьева правовыми нигилистами, теперь Новгородцев находит, что самые глубокие основы и условия построения правового государства затрагивались именно в их трудах. Не этническое или хозяйственное единение является основой государственного единства, но национальная культура, национальные святыни, идеалы истины, добра и красоты. Путь автономной морали и демократической политики приводит к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь. Правовое государство высшей своей целью ставит защиту человеческой свободы, однако признать это люди могут, только глубоко осознав отношение свободы к высшим ценностям жизни, осознав свободу как проводник благодатных сил.

Как видим, в русской философской мысли XIX—XX веков уделяется особое внимание духовной жизни человека, в которой личность созидает и выражает себя, этическому отношению к миру, соотносимо с толерантностью. Оглядывая реальное состояние и потребности нашего общества, каждый учитель, педагог должен задуматься о своей личностной и профессиональной позиции, о своем отношении к жизни, ученикам, коллегам, труду. Богатейший арсенал ценностей, накопленных нашим народом и осмысленных русскими философами, нужно преумножать и передавать другим поколениям.

³⁵ Новгородцев, П. И. Право на достойное человеческое существование [Текст] / П. И. Новгородцев // Социально-философские этюды. Антология. — М., 1997. — С. 338.

ГЛАВА 4

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Толерантность — понятийная категория, содержание которой многослойно и недостаточно четко определено в современной научной картине мира. Многочисленные словарные определения толерантности — это попытки дать целостное представление о сущности толерантности, очертить границы явления. Тем не менее лексикографический анализ необходим, поскольку дает представление о понимании носителями языка толерантности как личностного качества, как особого отношения к чьим-либо поступкам, как терпимости, снисходительности, допущения, а объектом терпимости выступают чужое мнение, поведение, верование. Кроме того, становится ясным, что толерантность и терпимость связаны друг с другом и сосуществуют, но эквивалентами не являются.

Лексикографический анализ слова «толерантность» становится предпосылкой для дефиниционного анализа слова и его синонимов, который производится с целью выявления структуры концепта «Толерантность». Лингвокогнитология — наука, изучающая структуру и содержание концептов как мыслительных единиц, — доказывает, что оперирование понятиями в их «классическом варианте» не отвечает нуждам современных исследований³⁶. Гораздо более продуктивным оказывается процесс концептуализации, осмысления явления с позиций когнитивно-лингвистического подхода, прикладным результатом чего становится концепт — как правило, существующий или становящийся элемент национальной концептосферы или культуры (что, по Д. С. Лихачеву, одно и то же).

С позиций когнитивного подхода семантическая структура слова рассматривается в виде двупланового образования: материального (лексемы) и идеального (семемы). Семема в свою очередь содержит элементарные единицы смысла — семы, то есть имеет свою структуру. Через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке и выявляем, объективируем концепты. Концепт — «мыслительная структура» (Н. Н. Бодырев), «единица невербального в своей основе мышления, а лексические и фразеологические единицы языка — средства опредмечивания, вербализации, объективации концепта» (И. А. Стернин), «дискретная единица коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» (А. П. Бабушкин).

Лингвисты изучают структуру концепта по-разному: как лингвокультурологическое единство (Ю. С. Степанов, Е. С. Сумина), как интерпретационное поле с ядром и периферией (И. А. Стернин), как базовую когнитивно-позициональную структуру (Л. Г. Бабенко, Б. И. Аболин). Концепт метафорически представляют в виде плода, облака, снежного кома. Проанализировав множество определений концепта, З. Д. Попова и И. А. Стернин пришли к выводу, что когнитивный концепт формируется в сознании человека из: а) его непосредственного чувственного опыта — восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности человека; в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами; г) языкового общения (концепт

³⁶ Бабушкин, А. П. Концепты разных топов в лексике и фразеологии и методика их выявления [Текст] / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И. А. Стернина. — Воронежский государственный университет, 2001. — С. 53.

может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме; д) путем сознательного познания языковых единиц³⁷.

Концепт «Толерантность» в настоящее время только формируется в русском языковом сознании, русская концептосфера, по мнению лингвистов, готова его воспринять, но этот концепт еще находится в процессе становления и поэтому не имеет окончательно очерченной структуры, не может считаться общеизвестным и тем более общенациональным.

Приступая к рассмотрению концепта «Толерантность», доктор филологических наук И. А. Стернин определяет толерантность как «положительное нравственное **качество** человека, заключающееся в ценностной ментальной установке на терпимость к мнениям, убеждениям и формам поведения другого человека»³⁸.

Толерантность — категория, прежде всего, межличностного поведения. Она действует, по мнению автора, на уровне отношений людей и только через отношения людей становится общественным явлением.

Толерантность в обществе возможна только в условиях повседневной толерантности отдельных личностей, что делает бытовую и — в широком плане — повседневную толерантность основой формирования установок толерантного общественного сознания. Основой бытовой повседневной толерантности является толерантность в общении (коммуникативная толерантность). Толерантность повседневного поведения и общения людей обусловлена наличием в их сознании толерантной установки, правил толерантного поведения и общения. Базой такой установки является сформированность концепта «Толерантность» в сознании человека, и — прежде всего — в его коммуникативном сознании. Таким образом, концептуализация — культурный механизм, через который мы постигаем смысл толерантности (по Степанову Ю. С., словарное определение дает значение слова, а концепт — смысл понятия), а значит, делаем шаг к самоизменению. И. А. Стернин рассматривает концепт «Толерантность» в современном русском коммуникативном сознании. Лингвокогнитивный анализ позволяет представить модель концепта как элемента личной, групповой и национальной концептосферы³⁹.

В содержании и структуре концепта «Толерантность» И. А. Стернин выделяет (независимо от типа концепта), прежде всего, базовый слой, который включает определенный **чувственный образ** (выявляется экспериментальными психолингвистическими методами) и некоторые **дополнительные концептуальные признаки** (возможно, формирующие слои). Если концепт — плод, то его косточка — базовый чувственный образ. Дополнительные концептуальные признаки составляют **объем концепта**. **Интерпретационное поле концепта** составляет его периферию. Три структурных типа концепта выделяются в зависимости от того, что включает концепт: только чувственное ядро (одноуровневый концепт), ядро и несколько когнитивных слоев (многоуровневый) или базовый слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по

³⁷ Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Воронеж, 2001. — С. 40.

³⁸ Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта [Текст] / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под редакцией И. А. Стернина. — Воронежский государственный университет, 2001. — С. 58—65.

³⁹ Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Воронеж, 2001. — 192 с. — С. 57—59.

степени абстракции (сегментный). Концепт «Толерантность» И. А. Стернин относит к сегментным. Его чувственно-образное **ядро** — наглядный образ спокойного, вежливого, невозмутимого, сдержанного человека (эксперимент Е. И. Грицук). Это кодирующий образ, единица универсального предметного кода. Базовый слой включает также когнитивные признаки — терпимость, сдержанность, которые наслаиваются на базовый, кодирующий образ. По мнению И. А. Стернина, концептуальное поле толерантности образуют следующие сегменты:

- политическая толерантность — терпимость к людям других политических взглядов, уважение к иным политическим позициям, признание права каждого на свои политические убеждения;
- научная толерантность — терпимость к другим точкам зрения в науке, допущение разных теорий и научных школ в рамках одной науки, в рамках одного научного направления;
- бытовая толерантность — терпимость к формам поведения, мнениям и высказываниям ближайшего окружения. Она проявляется в межличностных отношениях;
- педагогическая толерантность — терпимость к собственным детям, учащимся, умение понять и простить их несовершенства;
- административная толерантность — умение руководить без нажима и агрессии, признавать, что и ты можешь допускать ошибки, способность прощать слабости и несовершенства подчиненных;
- религиозная толерантность — терпимость к людям иной веры, уважение к чужим религиозным убеждениям;
- этническая толерантность — уважительное, терпимое отношение к людям другой национальности. Противоположное понятие — ксенофобия;
- спортивная толерантность — отсутствие предубеждения к другим спортивным командам, кроме своей; уважительное, объективное отношение к другим спортивным командам и их болельщикам;
- музыкальная толерантность — уважительное отношение к различным музыкальным стилям и их поклонникам, отсутствие пренебрежения к тем, кому нравится другая музыка;
- медицинская толерантность — физиологическая выносимость пациентом применения того или иного препарата, переносимость лекарства;
- экологическая толерантность — способность живых существ переносить те или иные изменения в окружающей среде⁴⁰.

Основными из перечисленных автор называет этническую, политическую и межличностную толерантность (бытовое поведение, коллектив, семья, деловое общение, управленческое общение). **Базовым**, эмпирическим уровнем для формирования этнической и политической толерантности **является межличностная**. «Именно она в наибольшей степени поддается эмпирическому наблюдению, в наибольшей степени присутствует прагматический мотив к ее формированию, а также она в наибольшей степени поддается целенаправленному формированию и воспитанию в процессе обучения, воспитания, профессиональной

⁴⁰Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта [Текст] / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И. А. Стернина. — Воронежский государственный университет, 2001. — С. 60—61.

подготовки и переподготовки, в том числе в форме тренингов по формированию коммуникативной толерантности и разрешения конфликтных ситуаций»⁴¹.

В каждом сегменте есть дискретные признаки, которые упорядочиваются по входящим в их состав когнитивным классификаторам.

На периферии содержания концепта находятся разнообразные определения, толкования, отраженные в паремиях, афоризмах, крылатых выражениях, притчах, а иногда и в значительных по объему публицистических, художественных и научных текстах. Из этого арсенала в основном и выявляется интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить весьма разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения.

В интерпретационное поле концепта «Толерантность», как показывает исследование И. А. Стернина, на современном этапе входят такие установки, как: в быту надо быть терпимым; надо идти навстречу людям; компромиссы, уступки — это отсутствие характера, принципов, мягкотелость; на уступчивых людей нельзя положиться; на переговорах надо быть жестким; плюрализм вреден, затрудняет жизнь; терпимость — это беспринципность; толерантность навязана нам Западом; консенсус — смешное зарубежное слово и т. д. Признаки концепта, извлеченные из его интерпретационного поля, показывают плавучесть, смещаемость, диффузность когнитивных слоев, образующих периферию концепта. При этом экспериментальное исследование русского коммуникативного идеала, проведенное Стерниным (идеальный собеседник — какой?), однозначно показало, что налицо толерантность как ведущая черта русского коммуникативного идеала. Русское коммуникативное сознание ищет идеал в **толерантном собеседнике** — в таком, который выполнял бы роль внимательного, вежливого слушателя. Это, по предположению автора, обусловлено такими национальными чертами коммуникативного поведения русского человека, как высокая общительность, высокая коммуникативная активность, бескомпромиссность в споре, эмоциональность и искренность, стремление увеличить свой речевой вклад в общение, завладеть коммуникативным вниманием, коммуникативный центризм. В силу этого идеальным собеседником выступает тот, кто внимательно и доброжелательно слушает, то есть помогает говорящему реализовать его коммуникативную интенцию.

Несмотря на то, что структура и содержание концепта выявляются экспериментальным путем, являются результатом объективации, авторские варианты одного концепта существенно различаются. Это обусловлено различными подходами к рассмотрению явления и алгоритмами анализа концепта. Так Б. И. Аболиным⁴² предложен следующий алгоритм анализа концепта «Толерантность»:

1. Выявление основных когнитивных признаков концепта и их лексических репрезентаций в тексте как основы когнитивно-пропозициональной структуры (КПС).
2. Выявление заместителей позиции субъекта, предиката, объекта в структуре КПС.
3. Идентификация темы контекста (кто в какой ситуации и к чему проявляет толерантность) и предмета интерпретации.

⁴¹ Воронова, Т. А., Стернин, И. А. Концепт «Толерантность» в русском сознании / Т. А. Воронова // <http://trp1999.narod.ru/WebStud1/SbornikSt1-1.htm>

⁴² Аболин, Б. И. Концепт «Толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Б. И. Аболин. — Екатеринбург, 2009. — С. 12.

4. Идентификация толерантности как состояния, отношения, характеристики, перспективы.
5. Тематическая принадлежность толерантности (социальная, политическая, историческая и т. д.).
6. Особенности интенциональных категорий текста (особенности интерпретации описываемых фактов действительности, специфика авторской и социальной оценочности описываемых явлений и событий, особенности стилистической тональности текста).
7. Языковая специфика плана подачи информации (открытый и скрытый); наличие в тексте пресуппозиций, дополнительных коннотаций, показателей субъективной модальности.
8. Особенности дискурсивной стратегии автора контекста (с какой целью он пишет о толерантности и что должны понять из приведенного высказывания его адресаты) — объяснение, приказ, призыв к действию, согласие с чем-то и т. д.

Результаты дефиниционного анализа, произведенного в рамках исследования Б. И. Аболина, выявили, что **ядро** концепта «Толерантность» составляет когнитивный признак «толерантное **отношение**», репрезентированный словами «толерантность», «толерантный», «толерантно». **Ближайшую периферию** концепта «Толерантность» составляют следующие когнитивные признаки и их языковые репрезентанты:

- 1) **толерантность как эмоциональное отношение** и как вынесенная оценка чему-либо — когнитивный признак *терпимость*, его репрезентанты — удовлетворительность, сносность, приемлемость;
- 2) **толерантность как нестрогое отношение** к чьим-либо ошибкам, нестрогость, находящаяся на грани с равнодушием — когнитивный признак — *снисходительность*, его репрезентанты — потворство, попустительство, мягкость, нетребовательность;
- 3) **толерантность как понимание и следование моральным нормам и определенным законам** — когнитивный признак *допущение*, его репрезентанты — позволение, разрешение, пристойность, цензурность.

Компонентный анализ значений этих слов выявил базовые категориально-лексические семы «отношение» и «состояние», включенные семантически позиции «субъект», «объект», а также обстоятельственные — «причины» и «цели» как основные семы значений слов-репрезентантов когнитивных признаков концепта «Толерантность». Объективированы и основные дифференциальные семы слов-репрезентантов — «наличие чего-либо недолжного» и «причина, вынуждающая человека толерантно относиться к чему-либо». Это позволило автору выявить *итоговую детализированную* структуру ядра и периферии концепта, которая указывает на то, что содержание ядра концепта «Толерантность», включающее когнитивный признак «отношение», обнаруживается в ситуативных вариантах (они представлены когнитивным признаком, репрезентантами и когнитивно-пропозициональными структурами [КПС]), напоминающих явление речевых ситуаций.

К дальнейшей периферии концепта «Толерантность» автор относит контекстные значения слова «толерантность». Данную часть структуры концепта состав-

ляет информация о толерантности, которая не зафиксирована в словарях: информация о специфическом, характерном только для русского языка функционировании слова «толерантность», о возможных контекстных партнерах слова «толерантность». К данной информации относятся: функционирование двух репрезентантов концепта в одном контексте (толерантность и терпимость, терпимость и снисходительность); наличие оценочной семантики и субъективных взглядов на то, что есть толерантность (толерантность — это понимание, крайняя толерантность, нулевая толерантность); отождествление толерантности с такими категориями, как «понимание», «уважение»; рассмотрение толерантности как явления «постепенно становящегося».

Проанализировав позиции концепта и их языковые репрезентанты, автор делает вывод о том, что существует важный интегрирующий признак — наличие субъекта — носителя толерантности, компетентного в установленных в обществе законах, нормах общения и поведения, морали, а также в ценностях, которые уважают и берегут его соотечественники. Второй интегрирующий признак — умение человека оценить ситуацию, когда нужно, проявить толерантность или интолерантность либо сделать вывод об уместности определенного поведения в определенной ситуации. Дифференциальный признак — объекты толерантности, сами действия субъекта-носителя по проявлению толерантности, а также его оценка толерантности/интолерантности другого человека, в отдельных случаях своего антагониста. Итогом анализа публицистического дискурса концепта «Толерантность» стало выявление «отсутствия четкого понимания и представления носителями русского языка о том, что такое толерантность... значение слова *толерантность* еще не осознано большей частью российского общества. Соответственно и суть явления толерантности правильно понимают далеко не все. Частое отождествление толерантности и терпимости не позволяет многим носителям языка увидеть отличие толерантности от терпимости»⁴³. Толерантность, по наблюдениям автора, более перспектива, желаемое, чем реальное явление.

Особую ценность исследование Б. И. Аболина представляет тем, что в нем проанализированы публицистические тексты как репрезентанты концепта «Толерантность», что позволило автору проследить процесс формирования толерантности в российском обществе: первая стадия толерантности — допущение властью против общества чего-либо, что представителей общества не устраивает; вторая стадия — реакция общества на факт допущения (сдержанное и хладнокровное отношение либо совершение определенных действий); третья — толерантное отношение и толерантность как мировоззрение, ступень к следующим после толерантности стадиям — компромиссу и бесконфликтности.

Концепты как интерпретаторы смыслов подвергаются постоянному уточнению и модификациям в зависимости и от подходов к их изучению. Философский и лингвокультурологический подход Ю. С. Степанова (сплав исторических изысканий и отраслевых лингвистических исследований, семиотическая философия языка) предполагает иное понимание концепта, его структуры: концепт — это «слусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек — сам входит в культуру, а в некоторых

⁴³ Аболин, Б. И. Концепт «Толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Б. И. Аболин. — Екатеринбург, 2009. — С. 20—21.

случаях и влияет на нее»⁴⁴. Такое понимание концепта может повлечь за собой иной взгляд на содержание концепта «Толерантность»: с этих позиций он может рассматриваться как понятие культуры, как одна из социокультурных констант, особо актуальных в условиях, когда остро стоит вопрос о выработке национально-государственной идеологии или «русской идеи».

Словарь концептов Ю. С. Степанова запечатлел многие концепты — социокультурные инварианты, задавая не только содержательные характеристики, но и ценностные ориентации. Однако концепт «Толерантность» в словарь Степанова не помещен, поскольку к константам русской национальной концептосферы его отнести нельзя. Это связано, по мнению И. А. Стернина, Е. С. Суминой, с рядом коммуникативно-психологических качеств русского человека, таких как эмоциональность, общительность, искренность, любовь к спорам. Концепт «Толерантность» при этом находится в своеобразной оппозиции к концептам «Выяснение отношений», «Бескомпромиссность в споре», релевантным для русского сознания.

Вместе с этим концепт «Толерантность» становится общецивилизационным концептом и приобретает все большую важность для нового российского языкового сознания. Несмотря на наличие в обществе групп людей, неодобрительно оценивающих различные стороны концепта «Толерантность» в целом, на рефлексивном уровне сознания, на уровне сознательного размышления большинство респондентов склоняется к положительно-оценочной интерпретации данного концепта, демонстрируя отказ от радикализма в разделении людей на *наших* и *врагов*. Это, видимо, отражает сдвиг в общественном сознании, демонстрирующий готовность общества к восприятию идеи толерантности как принципа взаимоотношений и решения проблем в обществе. Однако, по-видимому, пока это осознание находится на рефлексивном уровне сознания, не перейдя на бытийный, практический.

Сказанное свидетельствует о необходимости распространения в обществе идеи толерантности «сверху» и необходимости системы мероприятий, обеспечивающих перевод данного концепта с рефлексивного на бытийный уровень сознания.

Лингвокультурный концепт многомерен, поэтому к определению его структуры возможны различные подходы. Каждый концепт как сложный ментальный комплекс включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту, его оценку и другие компоненты: общечеловеческий, или универсальный; национально-культурный, обусловленный жизнью человека в определенной культурной среде; социальный, определяемый принадлежностью человека к определенному социальному слою; групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе; индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей — образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей.

В более широком смысле структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого лежит основное понятие, ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями. Ю. С. Степанов выделяет три компонента, или три «слоя», концепта: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» призна-

⁴⁴ Степанов, Ю. С. Константы [Текст]: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов // Издание 2-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, 2001. — С. 43.

ков, являющихся уже не актуальными, «историческими»; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме⁴⁵.

Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т. д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт. Помимо уже названного ценностного элемента, в ее составе выделяются фактуальный и образный элементы.

«Концепт, понятие и значение — сущности, которые не поддаются прямому наблюдению... мы сопоставляем всего лишь наши гипотезы относительно того, чем, по нашему представлению, могут быть или не быть концепты, понятия, значения»⁴⁶.

Гипотеза Е. С. Суминой⁴⁷ ориентирована на лингвокультурологический подход Ю. С. Степанова. Объектом ее диссертационного исследования стали феномен толерантности, понятия «толерантность» и «*Toleranz*», концепты *Толерантность-Терпимость* и *Toleranz* в русской и немецкой научной и языковой картинах мира. Предметом исследования являются признаки феномена толерантности, понятий «толерантность» и «*Toleranz*» в научной картине мира России и Германии, а также структурно-содержательное наполнение и признаки концептов *Толерантность-Терпимость* и *Toleranz* в русской и немецкой этноконцептосферах. Автор ставит задачу выявить структуру (ядро, периферию) и признаки концептов *Толерантность-Терпимость* и *Toleranz* в русской и немецкой языковых картинах мира и сопоставить их. На русском материале толерантность впервые рассмотрена в качестве компонента парного концепта с именем *Толерантность-Терпимость*.

Результатом исследования стали выводы о том, что в русской языковой картине мира концепт «Толерантность» отсутствует в изолированном виде и присутствует лишь в составе парного концепта «Толерантность-Терпимость».

В российских научных исследованиях понятия «толерантность» и «терпимость» часто используются как взаимозаменяемые, поэтому имя русского концепта состоит из двух компонентов, а сам концепт обозначается как «семантический дублет» *Толерантность-Терпимость*. Специфическими признаками русского концепта являются *пассивное отношение, снисходительность, спокойствие, способность выносить*. В ядре русского концепта находятся лексемы *толерантность, толерантный*, вербализующие первый компонент концепта, и лексемы *терпимость, терпимый и терпеть*, вербализующие второй компонент. Для русского концепта «Толерантность» характерна тенденция к его постоянному переосмыслению и переструктурированию.

⁴⁵ Степанов, Ю. С. Константы [Текст]: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов // Издание 2-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, 2001. — С. 44.

⁴⁶ Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001 — С. 36.

⁴⁷ Сумина, Е. С. Толерантность (от феномена к лингвокультурному концепту): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е. С. Сумина — Екатеринбург: ИГБ ОУ, 61:07-10/1144. 2007. — 277 с.

При конструировании концепта «Толерантность» Н. А. Неровная⁴⁸ прибегает к анализу средств его языковой объективации. Для этого она рассматривает употребление слова в различных письменных контекстах. Затем автором проводится когнитивная интерпретация данных и полевая стратификация когнитивного содержания концептов. В результате выявлено ядро концепта в русском языковом сознании: снисходительность, мягкость; ближняя периферия: проявляется по отношению к другим людям, проявление доброты, приводит к взаимности, реализуется при наличии плюрализма, эмпатия, обусловливается сдержанностью характера, воспитывается с помощью разных педагогических приемов, приводит к единению, проявляется в коммуникативных умениях и навыках, проявляется по отношению к личности, является проявлением культурности, проявляется по отношению к чужому, проявляется в коммуникативных формах; проявление умственной и духовной зрелости, способность стойко и безропотно переносить что-либо; дальняя периферия: является проявлением вежливости, проявляется в признании многообразия, обусловлена соблюдением свободы человека, дипломатичность, проявляется по отношению к явлениям действительности, проявляется в готовности мирно сосуществовать с другим, человеколюбие, проявляется в способности прощать, является проявлением открытости, проявляется в социальных формах; крайняя периферия: проявляется по отношению к мысли, замыслу, обусловлена уважением прав человека, является проявлением нравственности, проявляется в понимании многообразия, проявляется в невраждебности, проявляется в гостеприимстве, обусловлена наличием независимости, проявление любви, способствует преодолению конфликтов, обусловлена наличием демократии, проявляется в бодром и жизнерадостном мироощущении, обусловлена объединенностью стран мира, отсутствие предвзятости, обусловлена постоянством жизни, проявляется в действии, проявляется в признании права на свободное вероисповедание любой религии, проявляется в признании значимости человеческой личности, реализуется при отсутствии опасности, проявляется по отношению к отличительному свойству субъекта, проявляется как отказ от вмешательства в личную жизнь кого-либо, проявляется в примирении ссорящихся, проявляется в отсутствии надоедливости.

Рассмотрев варианты концепта «Толерантность», приходим к выводу о том, что концепт:

- носит общецивилизационный характер;
- не принадлежит в полной мере русскому языковому сознанию;
- соотносится с русским коммуникативным идеалом;
- имеет тенденцию к изменению структуры и содержания;
- в составе концепта имеется и образует его ядро ценностный элемент;
- когнитивные признаки образуют слои — ближнюю и дальнюю периферию, переходящую в интерпретационное поле;
- в русском языковом сознании существует не изолированно, а как «семантический дуплет» «Толерантность-Терпимость»;
- основные когнитивные признаки репрезентированы словами, образующими ряды семантических синонимов, что порождает диффузность, размытость границ слоев интерпретационного поля.

⁴⁸ Неровная, Н. А. Концепт «Толерантность» в публицистических источниках на русском и английском языках [Текст] / Н. А. Неровная // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2008.

ГЛАВА 5

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

Современный период в российской истории и образовании — это время переосмысления ценностных ориентиров, когда «нарушается духовное единство общества, меняются жизненные приоритеты молодежи, происходит разрушение ценностей старшего поколения, а также деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок»⁴⁹. В этих условиях образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении. Каковы механизмы консолидации общества и, в частности, школьного подросткового коллектива, отличающегося, при прочих проблемах, высокой степенью полиэтничности и наличием дистанции между представителями культур разного типа?

В «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» отмечается, что *пережитое* и есть основной момент при переходе от возраста к возрасту. Усвоенное в детстве отличается большой психологической устойчивостью. С учетом этого положения важной педагогической задачей становится актуализация в образовательном процессе опыта культурно значимого переживания, «вчувствования» в текст родной и иной культуры как механизма опосредования межличностных и межкультурных взаимоотношений. Решение этой задачи может способствовать формированию культурной толерантности школьников.

Культурная толерантность понимается нами как интегративное нравственное качество человека, проявляющееся на уровне отношения человека к культуре в совокупности таких ее проявлений, как человек с его культурным потенциалом, способы, средства его коммуникативной и культурной деятельности и генерированные культурой тексты; позволяющее принимать многообразие культуры как проявление вариативности человеческой природы, относиться к культуре, базирующейся на иных онтологических основаниях, ориентированной на иные ценностно-смысловые образования и особенности коммуникативного идеала, на основе принятия и понимания, достигнутого посредством открытия смыслов текстов иной культуры.

Подучить опыт культурно значимого переживания школьник может в условиях глубоко мотивированного диалогического общения, каковым является общение с культурным текстом и по поводу культурного текста (М. М. Бахтин). Диалогическая природа художественного текста требует интерпретационного подхода, акцентирующего внимание к деятельностным формам образовательного процесса, поскольку интерпретация в современной методологии рассматривается, прежде всего, как деятельность⁵⁰. Интерпретационная деятельность

⁴⁹ Данилюк, А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Текст] / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. — М.: Просвещение. — 2009. — С. 4.

⁵⁰ Николаева, М. В. Совершенствование интерпретационной деятельности студентов в процессе чтения художественного текста [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. — Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/sovershenstvovanie-interpretatsionnoi-deyatelnosti-studentov-v-protsesse-cheniya-khudozhestvennogo-teksta>

школьников в рамках научного общества (учебно-научная интерпретация) или творческого объединения учащихся (творчески-образная интерпретация) представляет собой «творческое взаимодействие личностей автора и интерпретатора, основанное на диалоге между ними (через художественный текст) и имеющее своей целью освоение и истолкование содержательности текста. Основным свойством такого диалога является поливариантность понимания»⁵¹.

Раскрывая понятие «интерпретационная деятельность», мы обращаемся к общему понятию деятельности, которое А. Н. Леонтьев структурно представляет ее целями, отвечающими им действиями, средствами и способами их выполнения, а также психофизиологическими функциями, реализующими деятельность⁵².

Интерпретационная деятельность представляет собой целостную систему объектов деятельности, действий, приемов, способов, участников процесса, преследующих определенные цели. Операционный аспект целей (как, каким способом должно быть достигнуто) — открытие объективных и субъективных смыслов культурных текстов, что открывает возможности понимания объекта культуры — человека; интенциональный аспект (что должно быть достигнуто) — формирование культурной толерантности школьников в геокультурном пространстве пограничного региона (на примере Сахалинской области).

Обращение к структуре деятельности позволяет увидеть комплекс взаимосвязанных между собой элементов, каждый из которых имеет собственное значение. Субъектами интерпретационной деятельности выступают учащиеся среднего и старшего подросткового возраста; объектами — тексты культуры. Действия и операции как элементы структуры интерпретационной деятельности проявляются в выявлении смыслов текстов культуры посредством включения психических функций (логической работы мысли, понимания, воображения), формировании и разъяснении своей позиции (вторичный текст).

Интерпретационная деятельность конкретизируется как толкование, осуществляемое с помощью таких способов, как исторический, семантический, логический и другие виды анализа текста.

Содержание интерпретационной деятельности раскрывается через форму своего отражения — знания, которые материализуются в актах и действиях толкования (учебно-научная интерпретация — тексты различной стилиевой и типологической принадлежности, творчески-образная — инсценирование и другие вторичные культурные тексты).

В модели, которая отражает содержание и структуру интерпретационной деятельности, необходимо отразить и мотивационный компонент, поскольку успешность интерпретационной деятельности, как и всякой другой деятельности, на начальном этапе обеспечивается мотивированностью ее участников. Мотивационные теории, изучающие мотивы человеческой деятельности (А. Н. Леонтьев, А. Маслоу), основываются на приоритете личностных потребностей в их социальной, витальной и другой обусловленности. Интерпретационная деятельность может стимулироваться коммуникативными потребностями, природа которых определяется «настоятельной необходимостью индивидов в об-

⁵¹ Николаева, М. В. Указ. соч.

⁵² Леонтьев, А. Н. Общее понятие о деятельности [Электронный ресурс] / А. Н. Леонтьев // Основы общей теории речевой деятельности. — М.: Наука. — 1974. — Режим доступа: <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/OTRD.pdf>.

мене смысловой и оценочной информацией с целью взаимодействия в различных сферах своего существования и воздействия друг на друга в условиях коммуникации различного типа»⁵³. Спектр потребностей, имеющих отношение к социально значимым функциям — взаимодействия и воздействия, — широк, среди них социально и психологически обусловленные потребности сопереживания, понимания и другие.

Поскольку, по мнению М. М. Бахтина, «событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов»⁵⁴, то закономерно возникает вопрос об адекватности восприятия текста, его понимания и истолкования. Особенно проблематично восприятие текстов проективных, в которых «интенция соотнесена с чем-то аналогичным, близким, подобным, но не прямо с предметом мысли, если она в типичном случае представляет собой послышку, а не вывод умозаключения»⁵⁵.

Теория о предпосылках, возможностях и особенностях процесса истолкования текстов — герменевтика, — слившись в начале XX столетия с философской мыслью в работах таких ее представителей, как В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер и другие, обозначила предметом своего интереса не столько текст, сколько человека, живущего в культурно-историческом пространстве, в мире социально-исторических ценностей и личностных смыслов. Чтобы понять человека, необходимо понять условия его жизни, поддерживаемые им традиции, полученные им знания, искусства, которые близки человеку, глубинные основания его стремлений, таким образом попытаться увидеть смысловые доминанты его культурного поля. С позиций традиционного понимания герменевтика была и остается теорией и методологией истолкования текстов.

Анализ трудов исследователей герменевтической проблематики (М. М. Бахтин, Х.-Г. Гадамер, В. Дильтей, Ю. М. Лотман, П. Рикр, М. Хайдеггер, Ф. Шлейермахер, П. А. Флоренский) позволил нам выявить основополагающие идеи их концепций и сформулировать принципы интерпретационной деятельности, **которые мы будем реализовывать в школьной практике:**

1. Принцип понимания текста, основанный на диалектике единства части и целого (Ф. Шлейермахер). Понятие-метафора «герменевтический круг», введенное Ф. Шлейермахером, описывает движение мысли герменевта и дает представление о технике герменевтической реконструкции (*понимания целого из отдельного, а отдельного из целого*).
2. Принцип эмпатического вчувствования в субъективность автора или текст (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей). В языке, мифах, литературе и других видах искусства объективирована психическая жизнь. Культурный текст воплощает, опредмечивает переживания в образах, предметах мира, поступках героев, именно поэтому он способен стать проводником в мир культуры. Глубокое понимание текста строится на читательском «вчувствовании» (В. Дильтей), переживании. К верному пониманию культурного явления ведут этапы работы с текстом культуры: «вчувствование» — переживание переживания — воображение — понимание — истолкование. В. Дильтей развил понятие герменевтического круга, включив в

⁵³ Конечкая, В. П. Социология коммуникации [Электронный ресурс] / В. П. Конечкая. — М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. — 304 с. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/koneck/intro.ph

⁵⁴ Бахтин, М. М. Собрание сочинений: В 7 т. [Текст] / М. М. Бахтин. — Т. 5. — С. 310.

⁵⁵ Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1980. — С. 138.

- него философскую позицию автора, его психологию (познающий субъект познает себя через других, но других он понимает через себя), а также контекст социально-культурных условий создания произведения)⁵⁶.
3. Принцип «незавершаемости» деятельности, связанный с правилом циркулярности (Ф. Шлейермахер). Понимание для Ф. Шлейермахера является принципиально незавершаемой деятельностью, всегда подчиняющейся правилу циркулярности, то есть движению по расширяющимся кругам. Повторное возвращение от целого к части и от частей к целому меняет и углубляет понимание смысла части, подчиняя целое постоянному развитию. Текст ученый предлагал рассматривать как специфический диалог между автором и его интерпретатором⁵⁷. В ходе такого диалога осуществляются два действия: прибегая к современной терминологии теории информации, можно сказать, что если автор занимается кодированием текста, то интерпретатор осуществляет его декодирование или расшифровку, которая завершается духовным воспроизведением смысла текста.
  4. Принцип диалогичности, заключающийся в понимании текста как специфического диалога между автором и интерпретатором и нацеливающий на создание диалоговой «вопрос-ответной» системы (Х.-Г. Гадамер, В. Дильтей, М. Бахтин, Ю. Лотман, М. Каган). Цель понимания, по Х.-Г. Гадамеру, состоит не в должной интерпретации текста, не в реконструкции идей и мнений интерпретируемого, но в активизации собственных мыслительных процессов через формирование диалоговой вопрос-ответной системы, порождающей действительное смыслоформирование. Интерпретация текста становится продуктивной, творческой стороной герменевтического опыта⁵⁸. Подход филолога и критика М. М. Бахтина к герменевтике можно считать подходом к герменевтике диалогической. Текст понимается М. М. Бахтиным как «первичная данность»⁵⁹, а общение с ним представляет собой «сложное событие встречи и взаимодействия с чужим словом»⁶⁰. Этому диалогу свойствен характер «ответов на вопросы» («смыслами я называю ответы на вопросы»⁶¹, «всякий ответ порождает новый вопрос»)⁶².
  5. Принцип личного прочтения текста (Х.-Г. Гадамер). За каждым интерпретатором Х.-Г. Гадамер оставляет не только способность, но необходимость личного прочтения текста, его переосмысления и переоценки, или «переписывания». Интерпретация текста состоит не в воссоздании первичного авторского текста, а в создании собственного авторского текста, источником которого Х.-Г. Гадамер усматривает собственный — герменевтический — опыт. Этот опыт является основой, которая задает алгоритм понимания. Опыт «Я» становится отправной точкой формирования горизонта — горизонта понимания⁶³.

⁵⁶ Дильтей, В. Введение в науки о духе. Сила поэтического воображения. Начала поэтики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. [Текст] / В. Дильтей. — М.: Изда-во Моск. ун-та. — 1987. — С. 22.

⁵⁷ Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. — СПб: Европейский дом [Текст]. — 2004. — 242 с.

⁵⁸ Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. — М.: Прогресс. — 1988. — 704 с.

⁵⁹ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 322 с.

⁶⁰ Бахтин, М. М. Указ. соч. — С. 322.

⁶¹ Бахтин, М. М. Указ. соч. — С. 369.

⁶² Бахтин, М. М. Указ. соч. — С. 391.

⁶³ Гадамер, Х.-Г. Указ. соч. — С. 704.

6. Принцип синергизма, проявляющийся в слиянности деятельности познающего субъекта и «вещности» познаваемого объекта на основе понимания слова как «иконь», через которую проявляется «энергия бытия» (П. А. Флоренский). Важнейшей единицей восприятия текста П. А. Флоренский признает слово, действующее аналогично иконе, в которой присутствует воображаемое лицо или событие. Через «словесные иконь» проявляются энергии бытия: деятельность познающего субъекта и «вещность» познаваемого объекта в его «данности» нам. Обе как бы сливаются в «синергии»⁶⁴. Определяя понятие «символ» как «бытие, которое больше самого себя», и отождествляя слова с символами, П. Флоренский обращает внимание на онтологический характер слова как на реальное «явление смысла», передающее, а не дублирующее реальность⁶⁵. Такое понимание слова противоположно номиналистическому рассмотрению его природы.
7. Принцип интенциональности, который конкретизируется нами как принцип герменевтической (и символизирующей) ориентированности исследователя (Х-Г. Гадамер, Ю. М. Лотман, Д. А. Леонтьев).
8. Принцип контекстуальности деятельности (имеется в виду включение в герменевтический круг социально-культурных условий создания текста или реконструкция таких условий) (В. Дильтей).

Некоторые принципы так или иначе реализуются в школьной практике. Например, понятие «текстовая компетенция», на которое как на метапредметное в школьной практике ориентируются учителя, принимающие идеи мыследательной педагогики (Ю. В. Громыко, Н. В. Громыко), базируется в числе других и на принципах контекстуальности, личного прочтения текста. Обучение чтению текста с установкой «герменевтично ориентировать» читателя (Х-Г. Гадамер), чтению «с символизирующей установкой» (Ю. Лотман) в настоящее время проявляется в школьной практике по-разному, например, как обучение «смысловому» чтению (Л. А. Мосунова). Так проявляется озабоченность преподавателей дисциплин гуманитарного цикла тем, что «нравственно-ценностный потенциал шедевров, включенных в программы по литературе, нередко не находит реализации в обучающем процессе»⁶⁶. При игнорировании установок на понимающее чтение возникает опасность сохранения видимости полноценного образования, что становится одной из причин выхолащивания внутреннего мира личности, ущерба ее духовного опыта. Л. А. Мосунова справедливо соотносит формирование способности к построению смыслов при чтении художественных произведений с воспитанием осмысленного отношения к миру в целом.

Характер взаимодействия с текстом культуры в процессе интерпретационной деятельности зависит от реализации перечисленных выше принципов, от наличия установки на последовательное извлечение из текста определенного вида информации: содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной или содержательно-подтекстовой (И. Р. Гальперин, Ю. М. Лотман), от освоения школьниками уровней этого взаимодействия (вербально-семантический,

⁶⁴ Флоренский, П. А. У водоразделов мысли / Сочинения в четырех томах. — Т. 3 (1) [Текст] / П. Флоренский. — М.: Мысль. — 1999. — С. 262—263.

⁶⁵ Флоренский, П. А. Указ. соч. — С. 230.

⁶⁶ Мосунова, Л. А. Чтение художественной литературы как процесс понимания смысла [Текст] / Л. А. Мосунова // Вопросы психологии. — 2006. — С. 66—74.

когнитивный, мотивационный), что отражает процесс формирования языковой личности школьника (В. В. Виноградов, Ю. Н. Караулов).

Из всего многообразия культурных текстов мы выбрали в качестве объекта интерпретационной деятельности сказку — особый тип культурного текста, обладающий «ценностно-формирующей функцией», содержащий «идеологически-информационное ядро»⁶⁷. При изучении сказки оказывается востребованным весь спектр принципов интерпретационной деятельности. Сказка отражает условия, сформировавшие национально-психологические особенности народа, природно-географическую среду, виды производственной деятельности, идеологию и исторические события, оставившие след в психологическом облике народа. Изучение феномена сказки может дать ключи к пониманию как гносеологических, так и онтологических оснований ментальности своего и другого народа, поможет разрешить проблему понимания другого человека в контексте основных смысловых жизненных ситуаций⁶⁸.

Актуальность изучения японской сказки обусловлена не только культурными запросами геокультурного пространства Сахалинской области. Изучение сказки японского народа — это обращение к онтологическому и экзистенциальному опыту традиционных культур, позволяющее обнаружить основополагающие утверждения мировоззренческого характера, важнейшее из которых — бережное и уважительное отношение к природе и человеку, идеи сохранения уникальной целостности жизни, запечатленной в древних архетипах. Идеи традиционализма обладают значительными воспитательными ресурсами и могут быть привлечены для формирования архетипического мышления, что возможно в случае доступности человеку универсальных символов культуры,

Семантический анализ сказочного повествования, как и других фольклорных жанров — носителей архетипической информации, — позволит открыть назначение сказки, понять ее важнейшую функцию: символическим способом определять духовные ориентиры личности и коллективной жизни социума, наполняя обыденность сакральным смыслом⁶⁹.

Обращение к японской сказке в контексте интерпретационной деятельности обусловлено и тем фактом, что два различных на первый взгляд мироощущения — японцев и русских — оказываются обладающими важным сходством — предельной открытостью, отзывчивостью на позитивное инокультурное влияние.

Планируя работу с текстом культуры, а им в данном случае будет японская народная сказка, мы опираемся на положение Д. А. Леонтьева: смысл (будь то смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания, душевных явлений или действий) определяется: 1) через более широкий контекст и 2) через интенцию (целевую направленность, предназначение или направление движения). Контекстуальность и интенциональность, по Д. А. Леонтьеву, это два основополагающих атрибута смысла, инвариантных по отношению к конкретным его пониманиям, определениям и концепциям.

⁶⁷ Айснер, Л. Ю. К проблеме культурологического толкования понятия «текст» [Текст] / Л. Ю. Айснер // Вестник Бурятского государственного университета. — Выпуск 14. — Улан-Удэ: Изда-во Бурятского госуниверситета. — 2009. — С. 18.

⁶⁸ Курашов, В. И. Философские смыслы и русская ментальность в русской волшебной сказке [Текст] / В. И. Курашов // Журнал практического психолога. — 2000. — № 10—11.

⁶⁹ Флоренская, В. В. Архетипы единства человека и природы традиционных обществ и формирование экологической культуры [Текст]: автореф. дис. ... канд. культуролог. наук: 24.00.01 / В. В. Флоренская. — Екатеринбург, 2010.

Контекстуальность мы обеспечиваем рассмотрением текста как факта культуры, вобравшего и отразившего культурно-исторические традиции японского народа.

Интенциональность понимается нами как установка, намерение рассматривать текст иной культуры как факт культуры особого типа — символизирующего, — открывая его нравственно-ценностный потенциал, приобретая духовный опыт культуры опосредованного понимания человека иного типа культуры.

С позиций информационно-семиотического подхода, «Художественный текст — сложно построенный смысл; все его элементы суть элементы смысловые»⁷⁰. Поэтому текст как таковой, независимо от его отнесенности к какому-либо типу культуры, требует сформированных интерпретационных умений, приводящих к порождению смыслов, диалоговых умений (диалог смысловых миров автора и читателя), психологической культуры взаимодействия с произведением искусства⁷¹.

«Содержанием эстетической деятельности всегда является процесс проникновения за значение»⁷². Значением художественного символа является переживание (чувство, эмоция), а не наглядное представление или понятие: «Уникальный художественный символ обладает не рациональным, а иррациональным (эмоциональным) значением»⁷³.

Интерпретация текста культуры проективного, символизирующего типа (от первичной читательской, проверяемой анализом элементов формы и содержания, до научной и творчески-образной) предполагает умение вычлнить среди других элементов изображенного мира метафизические, ценностно значимые элементы сюжета (поступки, действия, деятельность героев); детали-символы (вещные, пейзажные), несущие особую смысловую и психологическую нагрузку.

Реализуя символизирующую установку при интерпретации содержания японских народных сказок, выделим значимые в плане смыслоформирования элементы сюжета и объекты, *соотнося план изображения и план выражения:*

	Ценностно значимый поступок героя (символический/«метафизический» поступок)	Ценностно значимый объект (детали-символы)	Ценностно значимая деятельность героев, символизирующая отношение к миру
План изображения	Рыбак Масария не разделал «молодильное» вино с односельчанами, отказал в помощи нуждающимся (сказка «Чудесный кувшинчик»).	Сокровища, спрятанные в волшебных кладовых подземного царства, — картины времен года (сказка «Огневой Таро»)	Сочинительство и чтение стихов, эстетическое оформление поэтического творения — любимое занятие сказочных героев, даже животных и насекомых (сказка «Барсук — любитель стихов»).

⁷⁰ Леонтьев, А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства [Текст] / А. Н. Леонтьев // Избр. психол. произв.: В 2 т. — Т. II. — М.: Педагогика. — 1983. — С. 19.

⁷¹ Мосунова, Л. А. Чтение художественной литературы как процесс понимания смысла [Текст] / Л. А. Мосунова // Вопросы психологии. — 2006. — С. 66–74.

⁷² Леонтьев, А. Н. Указ. соч. — С. 237.

⁷³ Мосунова, Л. А. Указ. соч. — С. 124.

План выражения	Пренебрежение исторически сложившимся обычаем взаимопомощи в сложных природно-климатических условиях обрекает героя на гибель	Преклонение перед природой, понимание возможности созерцать каждый день красоту мира как бесценный дар	Тонкое чувство прекрасного, эстетизация действительности уравнивает все живущие в мире существа, сподвигает все живое на поэтическое творчество
-------------------	---	--	---

Категоризация значимых элементов сюжета и объектов культурных текстов — народных сказок — позволила нам обнаружить особенности ментальности японского народа, приблизиться к пониманию культуры Японии, что и было задачей интерпретации.

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Приложение №1

«Индекс толерантности» по методике Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой

Диагностическое исследование толерантности на основе экспресс-опросника «Индекс толерантности» по методике Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой.

Инструкция: предлагается оценить, насколько учащиеся согласны или не согласны с приведенными утверждениями, и в соответствии с этим поставить галочку или любой другой значок напротив каждого утверждения:

Экспресс-опросник «Индекс толерантности»

№	Утверждение	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
1	В средствах массовой информации может быть представлено любое мнение						
2	В смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности						
3	Если друг предал, надо отомстить ему						
4	К кавказцам станут относиться лучше, если они изменят свое поведение						
5	В споре может быть правильной только одна точка зрения						
6	Нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах						
7	Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные						
8	С неопытными людьми неприятно общаться						
9	Даже если у меня есть свое мнение, я готов выслушать и другие точки зрения						
10	Всех психически больных людей необходимо изолировать от общества						
11	Я готов принять в качестве члена своей семьи человека любой национальности						
12	Беженцам надо помогать не больше, чем всем остальным, так как у местных проблем не меньше						
13	Если кто-то поступает со мной грубо, я отвечаю тем же						
14	Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей						

15	Для наведения порядка в стране необходима «сильная рука»						
16	Приезжие должны иметь те же права, что и местные жители						
17	Человек, который думает не так, как я, вызывает у меня раздражение						
18	К некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться						
19	Беспорядок меня очень раздражает						
20	Любые религиозные течения имеют право на существование						
21	Я могу представить чернокожего человека своим близким другом						
22	Я хотел бы стать более терпимым человеком по отношению к другим						

Приложение №2

Эмпатические тенденции (А. Мехрабиан, Н. Эпштейн)

Предлагается ответить на вопросы теста А. Мехрабиана и Н. Эпштейна «Эмпатические тенденции»:

Инструкция: прочитайте нижеприведенные утверждения и, ориентируясь на то, как вы ведете себя в подобных ситуациях, выразите свое согласие (+) или несогласие (-) с каждым из них:

№	Утверждение	Согласен	Не согласен
1	Меня огорчает, когда вижу, что незнакомый человек чувствует себя одиноко среди других людей		
2	Люди преувеличивают способность животных чувствовать и переживать		
3	Мне неприятно, когда люди не умеют сдерживаться и открыто проявляют свои чувства		
4	Меня раздражает в несчастных людях то, что они сами себя жалеют		
5	Когда кто-то рядом со мной нервничает, я тоже начинаю нервничать		
6	Я считаю, что плакать от счастья глупо		
7	Я близко к сердцу принимаю проблемы своих друзей		
8	Иногда песни о любви вызывают у меня много чувств		
9	Я сильно волнуюсь, когда должен (должна) сообщить людям неприятное для них известие		
10	На мое настроение сильно влияют окружающие меня люди		
11	Я считаю иностранцев холодными и бесчувственными		

12	Мне хотелось бы получить профессию, связанную с общением с людьми		
13	Я не слишком расстраиваюсь, когда мои друзья поступают необдуманно		
14	Мне очень нравится наблюдать, как люди принимают подарки		
15	По-моему, одинокие люди чаще бывают недоброжелательными		
16	Когда я вижу плачущего человека, то и сам (сама) расстраиваюсь		
17	Слушая некоторые песни, я порой чувствую себя счастливым (счастливой)		
18	Когда я читаю книгу (роман, повесть и т. п.), то так переживаю, как будто все, о чем я читаю, происходит на самом деле		
19	Когда я вижу, что с кем-то плохо обращаются, всегда сержусь		
20	Я могу оставаться спокойным (спокойной), даже если все вокруг волнуется		
21	Если мой друг или подруга начинают обсуждать со мной свои проблемы, я стараюсь перевести разговор на другую тему		
22	Мне неприятно, когда люди, смотря кино, вздыхают и плачут		
23	Чужой смех меня не заражает		
24	Когда я принимаю решение, отношение других людей к нему, как правило, значения не имеет		
25	Я теряю душевное спокойствие, если окружающие чем-то угнетены		
26	Я переживаю, если вижу людей, легко расстраивающихся из-за пустяков		
27	Я очень расстраиваюсь, когда вижу страдания животных		
28	Глупо переживать по поводу того, что происходит в кино или о чем читаешь в книге		
29	Я очень расстраиваюсь, когда вижу беспомощных старых людей		
30	Чужие слезы вызывают у меня раздражение		
31	Я очень переживаю, когда смотрю фильм		
32	Я могу оставаться равнодушным (равнодушной) к любому волнению вокруг		
33	Маленькие дети плачут без причины		

Обработка результатов: сопоставьте свои ответы с ключом и подсчитайте количество совпадений.

Ответ	Номера утверждений																
	1	5	7	8	9	10	12	14	16	17	18	19	25	26	27	29	31
Согласен																	
Не согласен																	

Полученное общее количество совпадений (сумму баллов) проанализируйте, сравнив результат с показателями, представленными в таблице.

Пол	Уровень эмпатических тенденций			
	высокий	средний	низкий	очень низкий
Юноши	26–33	17–25	8–16	0–7
Девушки	30–33	23–29	17–22	0–16

Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич)

Бланк тестируемого _____

Инструкция: вам предъявлены списки А и В с обозначением ценностей. Ваша задача — расставить ценности по порядку значимости для вас как принципов, которыми вы руководствуетесь в вашей жизни. Внимательно изучите таблицу и, выбрав ту ценность, которая для вас наиболее значима, поместите ее на первое место. Затем выберите вторую по значимости ценность и поместите ее вслед за первой. Затем проделайте то же со всеми оставшимися ценностями. Наименее важная останется последней и займет 18-е место. Работайте не спеша, вдумчиво. Конечный результат должен отражать вашу истинную позицию.

Список А (терминальные ценности)	Список В (инструментальные ценности)
- активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	- аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах
- жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом)	- воспитанность (хорошие манеры)
- здоровье (физическое и психическое)	- высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)
- интересная работа	- жизнерадостность (чувство юмора)
- красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	- исполнительность (дисциплинированность)
- любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	- независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)
- материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)	- непримиримость к недостаткам в себе и других
- наличие хороших и верных друзей	- образованность (широта знаний, высокая общая культура)
- общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	- ответственность (чувство долга, умение держать свое слово)
- познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	- рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)
- продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	- самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)
- развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	- смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов
- развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)	- твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)
- свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	- терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)

- счастливая семейная жизнь	- широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)
- счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	- честность (правдивость, искренность)
- творчество (возможность творческой деятельности)	- эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)
- уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	- чуткость (заботливость)

Приложение № 4

Интерпретация текста культуры

I этап работы с текстом

1) Прочитайте текст.

Японская народная сказка «Огневой Таро» (фрагмент)

Героиня сказки — О-Кики — случайно попала в подземное царство, где встретила сына владыки этого царства. Юноша по имени Огневой Таро приглашает девушку погостить во дворце. Сам же юноша каждый день терпит страшные пытки от мучителей — чертей. Желая оградить гостью от своих бед, юноша вручает ей связку ключей от кладовых, в которых, по мнению хозяйки, есть чем полюбоваться.

Захотелось девушке поглядеть, что в них спрятано. Отперла она ключом первую кладовую. А как увидела, что в ней, все на свете позабыла.

В первой кладовой праздновали Новый год.

Множество маленьких человечков в парадных нарядках с гербами украшали новогодние сосны; крошечные девочки в ярких платьицах подбрасывали мячики с перьями. Весело там было и шумно.

Во второй кладовой стоял февраль. Цветы, благоухая, сливы. Крошечные мальчики пускали по ветру воздушных змеев.

А что же было в третьей кладовой? Там справляли праздник цветения персиков. Девочки ростом с пальчик, нарядные и веселые, любовались великолепно разряженными куклами величиной с горошек.

В четвертой кладовой светило апрельское солнце. Седобородые карлики, ведя за руку своих внуков, чинно шли в храм по случаю рождения Будды.

А в пятой кладовой? О-Кики не терпелось заглянуть в пятую кладовую.

Там стоял теплый май. В синем небе плавали, как живые, пестрые карпы, а крошечные мальчики, весело распевая, устилали кровли домов цветущими ирисами. В парадных покоях красовались куклы-воины с ноготок величиной.

В шестой кладовой солнце сияло жарче. На берегу прозрачной реки заботливые хозяйки-карлицы усердно мыли белье. А за рекой виднелись рисовые поля. Крестьяне и крестьянки, такие маленькие, что можно было каждого посадить на ладонь, пели песни, высаживая рядами зеленые ростки риса...

О-Кики отперла дверь седьмой кладовой и увидела ясное звездное небо. То был вечер «Встречи двух звезд». Дети карликов привязывали к веткам бамбука тоненькие полоски разноцветной бумаги с надписью «Небесная река» и много других украшений.

Наглядевшись вдоволь, О-Кики отперла дверь восьмой кладовой.

Там была ночь осеннего полнолуния. Крошечные дети любовались светлой луной, а перед ними на столиках лежали пестрыми горами яблоки и груши, не крупнее лесной земляники.

Луна, похожая на большой круглый поднос, пристально смотрела с неба на рисовые колбски-данго.

О-Кику заглянула в девятую кладовую. Там было все красное и золотое. Карлики, опираясь на посох, неторопливо гуляли по горам. То подымались они по крутому склону, то спускались в глубокую долину, любуясь осенними кленами.

Пришла очередь десятой кладовой. Там стоял октябрь. Карлики, взбравшись на деревья, трясли изо всей силы ветви, и на землю градом сыпались спелые каштаны. Весело было смотреть, как дети собирают их в корзины.

О-Кику открыла одиннадцатую кладовую. Навстречу ей потянуло холодным ветром. Вся земля была покрыта мелкой россыпью первого инея. Под каждой застрехой висели сушеная хурма и редька. Крошечные крестьяне молотили рис, радуясь богатому урожаю.

В двенадцатой кладовой было царство снега. Куда не взглянешь – глубокие сугробы. Дети веселятся, играют в снежки, лепят снежных человечков...

Сказочная история заканчивается счастливо: юноша освобожден с помощью О-Кику от мучений; герои каждый день могут любоваться всеми временами года.

2) Кратко изложите ваши впечатления от текста.

II этап работы с текстом

1) Определите принадлежность текста:

- родовую;
- жанровую;
- стилистическую.

2) Если бы вы были учителем, какие вопросы обсудили бы со своими учениками по прочтении текста?

3) Можно ли с помощью текста понять, какие особенности национального характера воплощают образы; каков идеал личности, человеческих взаимоотношений; в чем смысл человеческого существования?

4) Прочитайте текст. Выделите фрагменты, требующие особого осмысления. Кратко прокомментируйте свои действия.

5) Какие элементы сюжета, детали (вещные, пейзажные, портретные и др.), поступки привлекли ваше внимание? Внесите их в таблицу.

Элементы сюжета	Детали	Поступки

6) Какие идеи можно сформулировать, осмыслив каждый выделенный вами элемент текста?

7) Сделайте вывод о наличии в тексте символических деталей, образов, поступков.

III этап работы с текстом

Изменилось ли ваше понимание текста? Какие особенности текста позволяют назвать его текстом культуры?

Критерии оценивания вторичного текста на тему, связанную с интерпретацией содержания текста культуры

1.	Глубина и самостоятельность понимания типа проблематики текста	
	Тип проблематики текста (мифологическая, национально-историческая, социокультурная, идейно-нравственная, философская) определен верно.	1
	Тип проблематики текста определен неверно.	0
2.	Понимание смысла текста культуры	
	Дано верное объяснение смысла текста как текста культуры, ошибок в интерпретации нет.	2
	Дано в целом верное объяснение смысла текста как текста культуры, допущены 1-2 ошибки в интерпретации текста.	1
	Объяснение смысла текста как текста культуры неверно или отсутствует.	0
3.	Выявление значимой художественной детали и истолкование ее функции (деталь-символ, деталь-подробность)	
	Значимые художественные детали в тексте выявлены, дано объяснение их функций.	1
	Значимые художественные детали в тексте не выявлены, объяснение их функций отсутствует.	0
4.	Последовательность и логичность изложения	
	Отмечается наличие тематической прогрессии и логической связи частей высказывания.	3
	Отмечается наличие тематической прогрессии и логической связи частей высказывания, но есть нарушения внутри смысловых частей высказывания.	2
	Части высказывания логически связаны между собой, но отсутствует тематическая прогрессия.	1
	Грубые нарушения последовательности, нет связи между частями и внутри частей, отсутствует логика высказывания.	0
5.	Точность и выразительность речи	
	Работа характеризуется точностью выражения мысли, разнообразием грамматического строя речи.	2
	Работа характеризуется точностью выражения мысли, но прослеживается однообразие грамматического строя речи.	1
	Работа отличается бедностью словаря и однообразием грамматического строя речи.	0
	Максимальный балл	9

Шкала соответствия баллов уровням проявленности показателя «Знаково-символическая культура»

Уровни	Высокий	Средний, ближе к высокому	Средний, ближе к низкому	Низкий
Баллы	9	8—6	5—4	3—0

Оценка сформированности знаково-символической культуры

Когнитивный компонент культурной толерантности как личностного качества	Уровни
Показатель «Знаково-символическая культура»	Высокий. Приращение смысла вследствие применения методов анализа и высокой степени реализованности креативной составляющей. Выраженность знаково-символической культуры.
	Средний (ближе к высокому). Толкование текста, отражающее приращение смысла вследствие частичного декодирования информации.
	Средний (ближе к низкому). Слабая проявленность приращения смысла вследствие деформации восприятия.
	Низкий. Ложное, произвольное толкование текста, отражающее деформацию восприятия; нереализованность творческой функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболин, Б.И. Концепт «Толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Б.И. Аболин. — Екатеринбург, 2009. — 25 с.
2. Аджиева, Е.М. Этнопедагогические и этнопсихологические условия воспитания толерантности [Текст] / Е.М. Аджиева // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 368 с.
3. Айснер, Л.Ю. К проблеме культурологического толкования понятия «текст» [Текст] / Л.Ю. Айснер // Вестник Бурятского государственного университета. — Выпуск 14. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. — С. 300—305.
4. Асташова, Н.А. Проблема воспитания толерантности в системе образовательных учреждений [Текст] / Н.А. Асташова // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 368 с.
5. Асташова, Н.А. Технология общения в системе воспитания толерантности [Текст] / Н.А. Асташова // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК». — 2003. — 368 с.
6. Бабушкин, А.П. Концепты разных топов в лексике и фразеологии и методика их выявления [Текст] / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. — Воронежский государственный университет, 2001. — С. 52—58.
7. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: В 7 т. [Текст] / М.М. Бахтин. — Т. 5. — М.: Издательство «Русские словари». — 1997. — 732 с.
8. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. — М.: Искусство. — 1986. — 322 с.
9. Бондырева, С.К. Феномен толерантности в системе межэтнических отношений [Текст] / С.К. Бондырева // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 368 с.
10. Бранский, В.П. Искусство и философия [Текст] / В.П. Бранский. — Калининград: Янтарный сказ. — 2000. — 704 с.
11. Верецагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е.М. Верецагин, В. Г. Костомаров. — М.: Русский язык. — 1980. — 198 с.
12. Воронова, Т.А., Стернин, И.А. Концепт «толерантность» в русском сознании / Т.А. Воронова, И.А. Стернин. — <http://tp1999.narod.ru/WebStud1/SbornikSt1-1.htm>
13. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. — М.: Прогресс. — 1988. — 704 с.

14. Гриншпун, И.Б. К вопросу о методиках диагностики толерантности [Текст] / И.Б. Гриншпун // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 368 с.
15. Гриншпун, И.Б. Понятие и содержательные характеристики толерантности (к вопросу о толерантности как психическом явлении) [Текст] / И.Б. Гриншпун // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК». — 2003. — 368 с.
16. Данилюк, А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Текст] / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. — М.: Просвещение. — 2009. — 24 с.
17. Дильтей, В. Введение в науки о духе. Сила поэтического воображения. Начала поэтики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. [Текст] / В. Дильтей. — М.: Изд-во Моск. ун-та. — 1987. — 512 с.
18. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине [Текст] / Ф.М. Достоевский / Полн. собр. соч. в 30 т. — Публицистика и письма. Тома 18—30. — Т. 26. — Ленинград: Наука. — 1984. — 511 с.
19. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Научное издание. — Воронеж, 2001. — С. 36—52.
20. Карсавин, Л.П. Путь православия / Л.П. Карсавин / Сост. и вступ. ст. П.О. Николова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио. — 2003. — 557 с.
21. Касперская, О.В. Методические аспекты обучения старшеклассников интерпретационной деятельности / О.В. Касперская // Вестник ТГПУ [Текст], 2009. — Выпуск 4 (82). — С. 36—41.
22. Конецкая, В.П. Социология коммуникации [Электронный ресурс]. — М.: Междунар. Ун-т бизнеса и управления — 1997. — 304 с. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/koneck/intro.php
23. Кузнецова, О.Н. Духовность как личностное качество [Текст] / О.Н. Кузнецова // Вестник Бурятского государственного университета, 2009. — № 14. — С. 67.
24. Курашов, В.И. Философские смыслы и русская ментальность в русской волшебной сказке [Текст] / В.И. Курашов // Журнал практического психолога. — 2000. — № 10—11.
25. Леонтьев, А.Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Избр. психол. произв.: В 2 т. Т. II. [Текст] / А.Н. Леонтьев. — М.: Педагогика, 1983. — 320 с.
26. Леонтьев, А.Н. Общее понятие о деятельности [Электронный ресурс] // Основы общей теории речевой деятельности. — М.: Наука. — 1974. — Режим доступа: <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/OTRD.pdf>
27. Лосский, Н.О. Бог и мировое зло [Текст] / Н.О. Лосский / Сост. А. Поляков, П. Алексеев, А. Яковлев. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; Республика. — 1999. — 432 с.

28. Лосский, Н.О. Мир как органическое целое [Текст]: Избранное / Н.О. Лосский. М.: Правда. — 1991. — 622 с.
29. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра [Электронный ресурс] / Н.О. Лосский. — Режим доступа: <http://zaistinu.ucoz.ru/news/2009-04-28-858>.
30. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа [Текст] / Н.О. Лосский. — М.: Политиздат. — 1991. — 368 с.
31. Лосский, Н.О. Царство гармонии или царство духа [Текст]: Избранное / Н.О. Лосский. — М.: Правда. — 1991. — 622 с.
32. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Ю.М. Лотман. — М.: Искусство. — 1970. — 287 с.
33. Митрошенков, А.О. Философия славянофилов в современной российской историко-философской литературе [Текст]: дис. ... канд. философ.наук: 09.00.03: защищена 05.05.2003 / Митрошенков Александр Олегович. — М., 2003. — 27 с.
34. Мосунова, Л.А. Чтение художественной литературы как процесс понимания смысла [Текст] / Л.А. Мосунова // Вопросы психологии. — 2006. — № 5. — С. 66—74.
35. Неровная, Н.А. Концепт «Толерантность» в публицистических источниках на русском и английском языках [Текст] / Н.А. Неровная // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2008. — № 2. — С. 84—86.
36. Николаева, М.В. Совершенствование интерпретационной деятельности студентов в процессе чтения художественного текста [Электронный ресурс] / М.В. Николаева: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sovershenstvovanie-interpretatsionnoi-deyatelnosti-studentov-v-protseste-chteniya-khudozhest>
37. Новгородцев, П.И. Восстановление святынь [Текст] / Новгородцев П.И. // Об общественном идеале. — М.: Пресса. — 1991. — 638 с.
38. Новгородцев, П.И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева. Речь, произнесенная на торжественном заседании Психологического общества в память Вл. С. Соловьева 2-го февраля 1901 года [Текст] / Новгородцев П.И. // Об общественном идеале. — М.: Пресса. — 1991. — 638 с.
39. Новгородцев, П.И. Право на достойное человеческое существование [Текст] / П.И. Новгородцев // Социально-философские этюды. Антология. — М., 1997. — С. 338.
40. О Федеральной программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001—2005 гг.)»: Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2001 г. № 629 // Собр. законодательства РФ. — 2001. — № 36. — Ст. 3577; Нар. образование. — 2003. — № 1. — С. 225—263.
41. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Воронеж, 2001. — 192 с.
42. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Воронеж, 2001. — 192 с. — С. 57—59.
43. Садохин, А.П. Толерантное сознание: сущность и особенности [Текст] / А.П. Садохин // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стерео-

- тип. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК». — 2003. — 368 с.
44. Соловьев, В.С. Оправдание добра [Текст] / В.С. Соловьев [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/01.html>
45. Соловьев, В.С. Русская идея [Текст] / В.С. Соловьев. — Россия глазами русского. — СПб.: Наука. — 1991. — С. 311—339.
46. Степанов, Ю.С. Константы [Текст]: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов // Издание 2-е, испр. и доп. — М.: Академический проект. — 2001. — 992 с.
47. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта [Текст] / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И. А. Стернина. — Воронежский государственный университет, 2001. — С. 58—65.
48. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта [Текст] / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание /Под ред. И.А. Стернина. — Воронежский государственный университет, 2001. — С. 60—61.
49. Сумина, Е. С. Толерантность (от феномена к лингвокультурному концепту): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Сумина Екатерина Сергеевна. — Екатеринбург, РГБ ОД, 61:07-10/1144. 2007. — 277 с.
50. Трубецкой, Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке [Текст] / Е. Трубецкой // Литературная учеба. — 1990. — № 2. — С. 100—117.
51. Флоренская, В. В. Архетипы единства человека и природы традиционных обществ и формирование экологической культуры [Текст]: автореф. дис. ... канд. культуролог. наук: 24.00.01 / Флоренская Вероника Викторовна. — Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. — 2010 — 17 с.
52. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли [Текст] / П.А. Флоренский / Сочинения. — Т. 2. — М.: Моск. рабочий. — 1990. — 447 с.
53. Франк, С.Л. Духовные основы общества [Текст] / С.Л. Франк. — М.: Республика. — 1992. — 511 с.
54. Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий. Торжественный доклад ко дню Лейбница в Берлин-Бранденбургской Академии Наук (29 июня 2002 г.) // <http://www.isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/habermas.pdf> © 2006 г.
55. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии [Текст] / М. Хайдеггер. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа. — 2001. — 442 с.
56. Хилтухина, Е.Г. Философия всеединства — философия Евразии / Е.Г. Хилтухина // Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции [Электронный ресурс] / СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. — 2003. — С. 95. — Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/khiltuhina/globalism_20/html.
57. Холодный, В.И. Идея соборности и славянофильство. Проблема соборной феноменологии [Текст] / В.И. Холодный. — М.: Возрождение. — 1994. — 115 с.

58. Шагин, В.В. Образование и формирование культуры толерантности / В.В. Шагин // История: Прил. к газ. «Первое сентября». — 2002. — Март (№ 11). — С. 8—9.
59. Шлейермахер, Ф. Герменевтика [Текст] / Ф. Шлейермахер. — СПб: Европейский дом. — 2004. — 242 с.

Ольга Анатольевна Щербакова

**ФОРМИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ
В ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**

Учебно-методическое пособие

Директор С. Кузин
Редактор И. Остапенко
Корректор С. Покит
Дизайнер О. Ячменникова
Обложка А. Пузик

Формат 60x84/16
Бумага «Снегурочка»
Печать цифровая. Печ. усл. л. 3,37.
Заказ № 722. Тираж 50 экз.

Компьютерный набор,
верстка, оформление и печать
Издательства Института развития образования
Сахалинской области

693020, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 111.
Тел: 8 (4242) 72-21-92, 50-04-68, факс 8 (4242) 72-25-01
E-mail: iroso_izdat@inbox.ru

